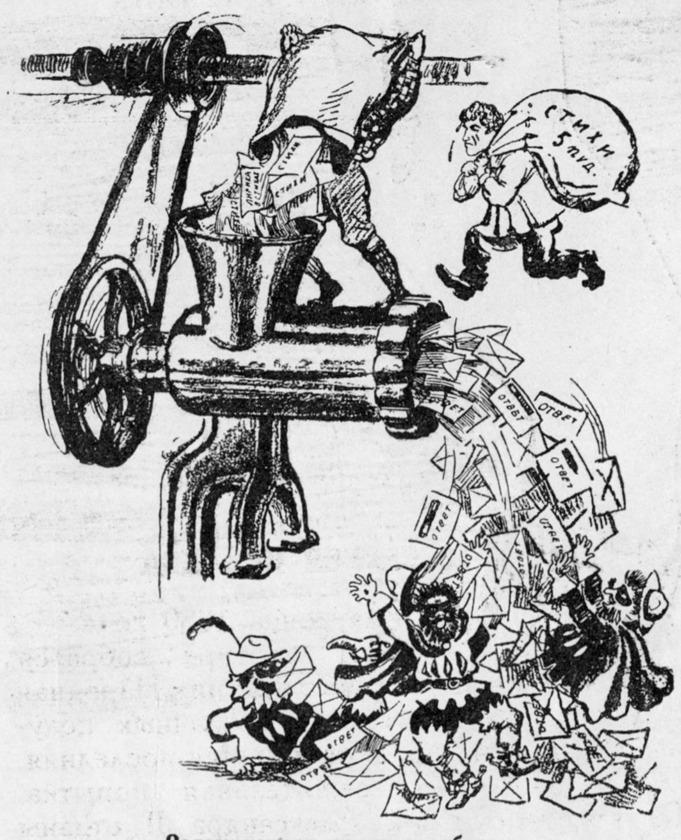

ПИОНЕР
П 29
34
13

СТИХИ СКВОЗЬ МАШИНУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ „РАЗБОЙНИКОВ В РЕДАКЦИИ“

Редакционная машина работает

Итак, ребята, теперь вы знаете—стихов у нас так много, что даже несуществующие бандиты ничего не смогли сделать.

А теперь мы пропустим все стихи, какие у нас имеются, сквозь особую машину, которая стоит у нас в редакции.

Так как начинать дело нужно с самой трудной части, то мы и начнем со стихов плохих, которые часто даже и стихами назвать нельзя. Вот пример таких стихов:

КРАСНАЯ АРМИЯ, НАША ЗАЩИТНИЦА,
СТРОЙСЯ СВОБОДНО В РЯДЫ!
ДЕСЯТЬ ЛЕТ УЖ ТЕБЕ МИНОВАЛО
В НАШЕЙ РОССИИ, В СВОБОДНОЙ
СТРАНЕ.

Это отрывок из стихов Пети Васева, ученика В.-Яйвенской школы.

Назвать это стихами трудно. В самом деле, если написать в строчку и читать, то получится вот что: „Красная армия, наша защитница, стройся свободно в ряды! Десять лет уж тебе миновало в нашей России в свободной стране“. Мы думаем, что и сам автор не догадался бы, что это стихотворение. Почему же так получилось? Получилось так потому, что нет никакой рифмы, нет и размера. Потом есть одно неверное выражение: „Стройся свободно в ряды“—непонятно, как это можно „свободно строиться“?

Примерно такие же стихи прислали деткоры: Б. Камешков—Бугуруслан, Б. Лойтерштейн — Москва, В. Глодышев —с. Чизовско-Дмитриевское, Джожон Ильинский, Л. Малышев — Катань, Е. Кочкарев — п. о. Морки, В. Муратов — Алатырь, Барунин—Саратов, А. Никонов—ст. Жаворонки, Рынкевич—34 школа, Москва, Е. Кадров-Вранцы.

(Продолжение см. на 3-й полосе обложке).

ЧТО ИНТЕРЕСНОГО В ЭТОМ НОМЕРЕ

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 13 ИЮЛЬ 1928 г.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Историческая повесть И. БАС

Рисунки худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Окончание)

Солдатам караульной команды жилось немногим легче самих заключенных. Отлучка из крепости разрешалась очень редко. В самом равелине тянулось тоскливое однообразное существование. Удивительно ли, что молодой солдатик давно сдружился с Нечаевым и целыми часами простаивал у глазка, заслушиваясь неслыханными речами! Это было запрещено, но кто мог его выдать? Разве его товарищи не поступали так же во время своего дежурства? И разве хоть один из них теперь позволил бы себе причинить вред этому великому страдальцу, который за них отдал свою жизнь!

Эти простые люди, понявшие, кем был на самом деле Нечаев, любили его и благоговели перед ним.

Не двигаясь с места, Нечаев вырвался из заколдованного круга одиночества, и снова воспрянула его воля, снова заработала цепкая упорная мысль:

— Бежать. Бежать из проклятого царского гроба...

Но за восемь лет у Нечаева никого не осталось там, снаружи. Некому помочь. Некуда бежать. Солдаты отдадут за него свою жизнь, но и они ничего не могут сделать, у них тоже никого нет в Петербурге.

Единственный его товарищ, сосед по темнице, давно сошел с ума.

Но вот однажды к глазку подошел часовой и шепнул:

— Привезли арестованного.

„Кто вы? Не бойтесь. Часовой наш. Нечаев“.

„Революционер Ширяев. Неужели вы живы? Сообщите на волю. Вот явка...“

Глава шестая

СМЕРТЬ СЕРГЕЯ НЕЧАЕВА

Петербургская зима конца 1880 года.

На конспиративной квартире собрался Исполнительный Комитет партии „Народная Воля“. После нескольких неудачных покушений на царя, предпринимается последняя, самая упорная и решительная попытка. Готовящейся казни Александра II отданы все силы, все мысли революционеров. Давно потеряны связи со старыми знакомыми, с друзьями. Забыты родные, книги, наука.

На заседаниях Исполнительного Комитета обсуждаются детали террористического акта.

Уже собралось большинство членов Исполнительного Комитета. За столом беседуют вожди „Народной Воли“—Желябов и Перовская. Собравшиеся поглядывают на дверь в ожидании опоздавших. И вот дверь открывается и появляется Исаев. С мороза, весь в инее, не снимая шубы, он подходит к столу и кладет на него пакет.

— Письмо от Нечаева!

Из первого минутного чувства недоумения стал расти, разливаться бурный поток восторженного изумления.

Здесь каждый знал имя этого революционера, боровшегося тогда, когда они сами были еще юношами и детьми. Знали о его трагической судьбе, гибели и вдруг—он жив!..

Письмо Нечаева было скромно и просто. Он в Алексеевском равелине. Восемь лет провел в одиночке. Могут ли революционеры устроить побег.

Желябов твердым голосом, не допускавшим сомнения, воскликнул:

— Надо освободить!

И Перовская радостно откликнулась. Заседание единодушно решило освободить Нечаева.

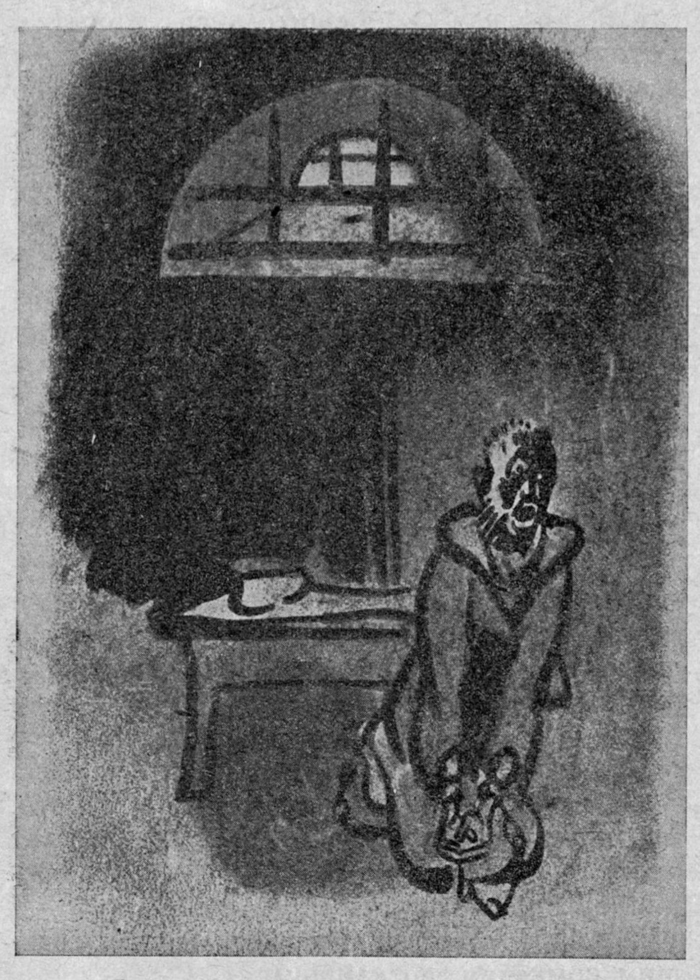
Солдат, ходивший с письмом от Нечаева к народовольцам, принес ответ.

Безумно забилось сердце Нечаева. Он бросился на постель, сжимая руками голову.

Как участливо расспрашивает Желябов о его судьбе, как горячо обещает помочь, как уверенно говорит об освобождении. Десятки раз перечитывает Нечаев это письмецо, заучивает его наизусть, прежде чем уничтожить. Как ни тяжело уничтожать весточку с воли, но это необходимо сделать.

И немного успокоившись, Нечаев снова пишет на волю. Он уже разрабатывает план побега и подробно рисует своим друзьям расположение Петропавловской крепости и равелина, которые он прекрасно изучил, не переступая порога своей тюрьмы. Не даром в долгие дни заключения он часами расспрашивал и выпытывал и терпеливо выслушивал солдатские описания и рассказы о крепости.

В бессонные ночи Нечаев строил планы побега.

Его перевели в тюрьму еще более страшную

В маленьком внутреннем садике равелина, куда выводили Нечаева на прогулку, выходит наружу крышка водосточной трубы. Часовые, друзья Нечаева, помогут ему поднять крышку и спуститься в трубу. А выход из нее уже за крепость. Там должны его ждать сообщники, переодеть и спрятать его... Или можно получить с воли военный мундир, переодеться и выйти из равелина, мимо преданной Нечаеву стражи. Эти планы изложил Нечаев народовольцам.

Заключенный № 5 нетерпеливо вскочил с постели. Сегодня он должен получить письмо от Желябова. Выпит чай. Прошел смотритель. В камере темно и тоскливо в серый зимний день. Но узник не замечает этого. Он привык к своей клетке, а сегодня мысли его слишком далеки отсюда. Записочки Ширяева рассказали о мощной революционной организации. Это не либеральничающие студенты. Это герои старого „катехизиса революционера". Это боевая революционная партия. В ее рядах можно итти вперед.

— Получай!—прервал голос нечаевские мысли. Нечаев шагнул и сжал в руке письмецо.

„Организация занята подготовкой террористического акта. Это отнимает у нас силы и время. Но мы выделили группу, которая будет работать над вашим освобождением"...

Казнь царя. Нечаев уже слышал об этом от Ширяева... Но это только первый шаг. Он должен лишь развязать революцию. Поднять мужика. Однако не слишком ли сильна его глупая, слепая вера в царя? Как победить эту веру?

И Нечаев из тюрьмы шлет советы своим новым друзьям. После стольких лет бездействия Нечаев опять чувствует себя в гуще революционной борьбы. Энергичный ум уже выработал свой план, и Нечаев передает его на волю: после убийства царя тотчас нужно разослать поддельный „манифест наследника". Вступая на престол, наследник возвращает землю крестьянам и призывает их бороться с теми из помещиков, кто не захочет отдать свою землю.

Конечно, ни один помещик своей земли не уступит, и тогда разгорится революционная крестьянская война. Нечаев разрабатывает, дополняет свои планы и пишет о них Желябову.

В этой переписке проходит время. Осмыслились тюремные будни. Но Нечаев уже видит, он не может не видеть, как отступает все дальше и дальше в туман предпо-

ложений его побег, что на воле все меньше и меньше говорят об этом.

Сырые стены снова начинают смыкаться вокруг своей жертвы. Узник чувствует, как давят они его грудь, и из груди вырывается глухой кашель. С грустью сознает он, что если не вырвется теперь, вот сейчас, немедленно, ему уже не вырваться никогда. Живая могила цепко держит его в своих об'ятиях, и настоящая уже протягивает за ним руки.

И в это время Нечаев получил записку:

„Наших сил нехватает на два дела одновременно. Что бы вы сказали, если б вам представили как революционеру решать, какое из этих двух предприятий осуществить первым: казнь царя или ваше освобождение? Мы ждем ответа...“

— Казнь царя!.. Нечаев—произнес это вслух и не колеблясь в своей пустой камере. Но он еще долго сидел за столом над ответом. Там, на воле, не должно быть никаких сомнений. Там дело нужно довести до конца. Им должен ответить не заключенный, не исстрадавшийся человек, не сломленная жертва, нет,— товарищ по организации присоединит свой голос к их решению. Ни тени жалобы, ни капли горечи не будет в записке. Спокойная. Деловая. Убедительная.

„За казнь. Нечаев“.

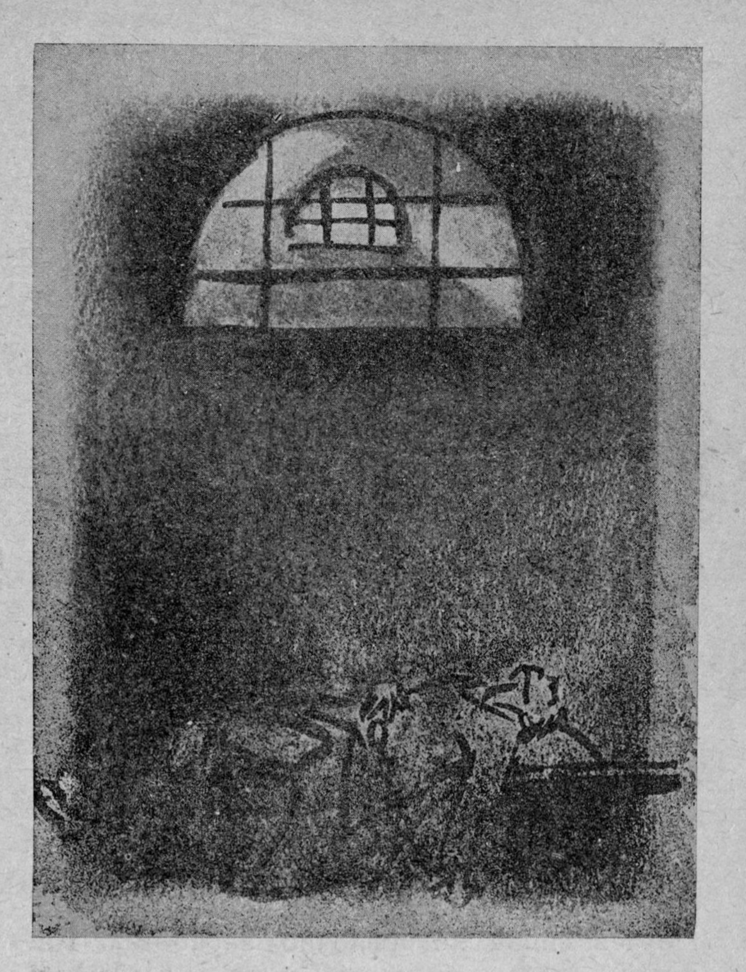
Записочку унесли. С ней унесли мечту о воле. Второй раз был произнесен убийственный приговор, и на этот раз его произнес над собой сам Нечаев. Этот великий революционер снова отдал свою жизнь делу революции, и заживо погребенный царем, он снова решал судьбу царя.

Чтобы отвлечь свои мысли от воли, от которой он отказался, чтобы забыть новую безнадежность своего положения, Нечаев стал еще напряженнее следить за борьбой „Народной Воли“ с царем. Записки народовольцев держали его в курсе событий. Целыми днями Нечаев обдумывал их, разбирал, намечал детали и с нетерпением ждал последнего известия.

Наконец, вечером 1 марта взволнованный часовой шепнул ему:

— Государь убит!

Грозная „Народная Воля“ нанесла страшный удар, но тотчас сама зашаталась под ударами правительства. Одна за другой записки стали приносить Нечаеву известия об арестах и провалах народовольцев. Уже арестованы Перовская, Желябов. Бегут из Петербурга, спасаясь от жандармов, уцелевшие пока народовольцы.

Нечаев умер

Нечего и помышлять о помощи с воли. Организация разгромлена. Это понял Нечаев. Он делился этим с Ширяевым, и к их тревогам о собственной судьбе прибавились опасения о судьбах партии и революции.

В это время заболел Ширяев. Равелин сделал свое привычное дело. Сырость выпила румянец щек, плесень потушила блеск глаз, тяжелый низкий потолок согнул спину. Ширяев стал кашлять, метался ночами в поту, и с каждым утром вставал все более слабым. Нечаев узнал от часовых о болезни Ширяева. Неужели уйдет от него и этот последний друг!

Умер старый комендант Петропавловской крепости, и появился новый—бездушный зверь Ганецкий. Он понял дух нового времени.

„...Прежде мне позволяли выходить подышать чистым воздухом два раза в день. Теперь мою прогулку сократили с двух часов до 20 минут. Мало того, меня по целым неделям совсем не выводят из душного каземата, в котором Ганецкий даже приказал заделать душники, будто с целью лишить меня возможности достать сажи для составления чернил. Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволявшее мне видеть клочок

неба. Нужно знать ужасы долголетнего одиночного заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью... Ганецкий приказал выбелить стекло..."— писал в своих уже не частых письмах на волю Нечаев.

Так прошла весна 1881 года. Проходило лето, и каждый уходящий день больно отзывался в сознании Нечаева. Он напрасно терял самое удачное для побега время. Усиливались строгости в равелине. Со дня на день могли напасть на след нечаевской организации. Приближалась зима, а тогда,— без связей, без помощи—не бежать.

В тяжелом раздумье проводил Нечаев потускневшие дни. 16 августа рано утром шопотом подозвал его часовой. Без прежнего радостного нетерпения, а с тяжелым предчувствием,—он привык уже к дурным вестям,—подошел Нечаев к глазку.

— Друг твой... умер.

Тогда Нечаев решил, наконец, бежать без чужой помощи.

Под матрацом тюремной койки лежала солдатская одежда. Настала новая зима. Нечаев снова лихорадочно заработал. Каждый солдат получил свою роль. Был назначен день. Все было готово к побегу. Предусмотрено. Через несколько дней настанет назначенный час. И Нечаев окажется на свободе.

Проснувшись, Нечаев вскочил с постели, быстро подошел к двери. Он сегодня должен сделать последние распоряжения,— он неожиданно запнулся. Слова застыли. По коридору шагал незнакомый часовой.

Внесли чай. Со смотрителем вошел новый унтер.

Как же это произошло? Разве не соблюдал он строжайшей конспирации? Разве он ошибался в этих простых искренних людях? Неужели его снова предали! Нечаев горько недоумевал при этой мысли и не хотел ей верить. Действительно: не эти солдаты, любившие Нечаева всей душой, даже на суде оставшиеся верными ему, на суде гордо называвшие его—„наш орел",— не они выдали Нечаева.

Предал Мирский. Жалкий человек случайно попал в ряды революционеров, а когда очутился в равелине, смертельно испугался. Испугался, что погибнет его жалкая жизнь, испугался, что забудет оставшаяся на воле невеста. Нечаев увидел в записках Мирского трусость, и не открыл ему всех своих планов. Но Мирский все-таки многое знал. Он знал, что солдаты находятся в руках Нечаева.

Мирский, цепляясь за жизнь, предал революционера, и за свое предательство получил фунт рублевого табаку ежемесячно и фрукты на третье блюдо к обеду.

Новый царь, Александр III, сумрачно слушал доклад министра внутренних дел.

„В силах ли бороться с Нечаевым даже власть царя? Он снова встает кровавой угрозой, снова простирает руку над троном... Нет, Нечаев должен исчезнуть с лица земли, не в каземате, не в подвале, откуда он вырвется,—он должен исчезнуть совсем, навсегда..."

Но царь не выдал своего страха. Его лицо все мрачнело и мрачнело. Когда кончилось чтение, он неуклюже сказал:

— Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор.

„Постыдное дело" кончилось для нечаевских друзей, солдат равелина, ссылкой в Сибирь, сдачей в дисциплинарные батальоны. С самим Нечаевым также решено было покончить.

Узника перевели в камеру № 1. В изолированном малом коридоре равелина он был теперь отрезан не только от мира, но и от внутренней жизни тюрьмы. Нечаева лишили прогулки. Резко ухудшили питание.

Какое наказание можно было придумать для этого человека, лишенного всех прав, всех надежд, всякого смысла в жизни? Каторжные работы были б для него несказанным облегчением. Цепи и карцер ничего б не прибавили к его пыткам... Нужно было просто покончить с его существованием.

Правительство не наказало Нечаева за его деятельность в равелине. Ему даже не сказали об этом ни слова. Его только перевели в еще более сырую, еще более страшную могилу. Его совсем лишили воздуха, почти лишили пищи. Он лежал на своей постели и медленно страшно умирал...

Такова была месть царя.

„Содержавшийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант сего 21 ноября 1882 г. около 2-х часов пополудни умер от общей водянки, осложненной цынготною болезнью, о чем вашему превосходительству донести честь имею".

Арестант в камере № 1—Нечаев. Даже после смерти нельзя было назвать его имени.

Поздней ночью, таясь от постороннего взора, вынесли тело Нечаева из равелина. Где его похоронили — никто не знает.

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ

Рассказ ГР. ГРАДОВА
Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Продолжение)

14. ТАИНСТВЕННЫЙ ШАР

— Ну, ребята, „Авдеева Яма" близка,—надо червей набрать. Вылезайте-ка на берег да пошарьте здесь, по выгону должны быть черви.

Мы с Васькой вылезли, а Юрка на одном кормовом весле поехал дальше.

— А где же мы возьмем лопату?—нерешительно спросил я Ваську.

— А зачем тебе лопата?

— Как зачем? Червей копать.

— Чудак человек, да зачем же их копать—раз здесь выгон?

— А!—я сделал вид, что мне все понятно, но убей меня гром, если я знал, что такое выгон, и почему на выгоне можно достать червей, не копая земли.

И чего он, спрашивается здесь висит?

Вдруг Васька остановился перед большой кучей сухого конского навоза и отвернул его палкой.

— Толька, скорей сюда—собирай!

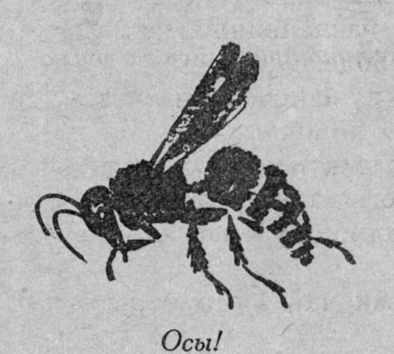
Под кучей, в сыром перегное, оказалось десятка два ярко-красных червяка.

Лопата действительно оказалась ненужной.

Разворачивать кучи навоза и собирать червей—не настолько интересное занятие, чтобы им мог увлечься опытный, состарившийся в глуши непроходимых джунглей охотник и следопыт. Поэтому вполне понятно, что некоторое время спустя я, делая вид, что не замечаю разбросанных там и здесь куч навоза, стал поглядывать по сторонам, на окружающие нас кусты и деревья,

Эх, до чего все это было убого и нетаинственно. Трава, в которой заведомо не скрываются ни гремучие змеи, ни питоны, ни кобры. Густые заросли кустарников, из-за которых ни в коем случае не может прыгнуть на беззащитную грудь молодого охотника ни тигр, ни лев, ни леопард. За деревьями не блеснет индейский томагавк, не раздастся боевой клич краснокожих.

Хоть бы какая-нибудь опасность! Хоть бы маленькая таинственность! Над полянами вьются бабочки, в зарослях перекликаются какие-то невзрачные птички—и больше ничего.

Осы!

Вот на сучке дерева какой-то немножко вытянутый шар серого цвета, словно сделанный из папье-маше. Наверно, какой-нибудь нарост. И чего он, спрашивается, здесь висит?

Я размахнулся и изо всей силы ударил по этому шару палкой. В ту же минуту позади себя я услышал испуганный крик Васьки:

Что ты делаешь? Осы!

Но было уже поздно.

Таинственный шар загудел, как басовые струны рояля, и из отверстия снизу, которого я и не заметил, целыми десятками стали вырываться встревоженные, разозленные осы.

Не успел я опомниться, как почувствовал жгучую боль в губе, в плече, на ноге...

— Крепче! Крепче!—отчаянно кричал Васька.

Путаясь в высокой траве, прыгая через кусты и поваленные деревья, летели мы оба к реке. Злобно жужжа, гнался за нами целый рой ос. Вот мне обожгло левую лопатку... Вот, словно раскаленную иголку вонзили мне в ухо...

— Ай-ай-ай!—завопил Васька, высоко подпрыгнул и схватился рукой за стриженый затылок...

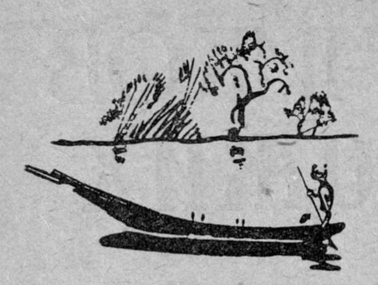
— Ай-ай-ай!—орал я, закрывая ладонями шею.

Пробрались сквозь прибрежные кусты.

— В воду!—крикнул Васька и с размаха нырнул с крутого берега в глубину.

Мы оба летели к реке

Васька поехал дальше

Я остановился в нерешительности. Нырнуть-то можно, да сумеешь ли вынырнуть?

— Ж-ж-ж-ж-ж!—раздалось над самым ухом зловещее жужжание.

— Прощай, жизнь! Прощай, тетя и все 12 старушек!

Пока я дошел до дна и снова вынырнул на поверхность, я успел уже порядочно наглотаться воды. Меня подхватило быстрым течением и понесло от берега... Я закричал, что—не помню.

Вдруг рядом со мной раздался спокойный голос Васьки:

— Не ори! Смирно! Руками не бей! Не хватайся!

Я почувствовал, как его пальцы сжали мою руку около плеча. Васька, загребая одной рукой, медленно, тяжело тащил меня к берегу.

— Держись!

Я схватился за нависший над водою куст.

Васька живо вылез на берег, схватил меня за руку и втянул наверх.

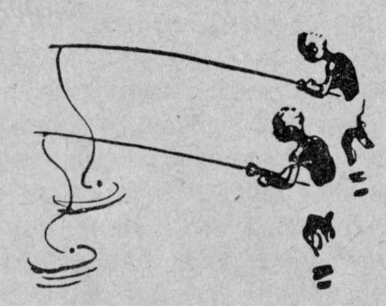
Я ждал сочувствия и утешения—напрасно. Первое слово, которое я услышал от своего спасителя, прозвучало крайне внушительно и резко:

— Дурак!

Что же? Может быть, он был и прав... я промолчал.

15. АНАКОНДА

Прихрамывая охая и то-и-дело хватаясь за ужаленные места, доплелись мы с Васькой до „Авдеевой Ямы“, которая оказалась глубокой вымоиной в глинистом берегу реки.

Ребята принялись за ловлю

Юрка уже ожидал нас у весело потрескивающего костра, на котором кипел наш закопченный походный чайник.

Пока Васька рассказывал ему всю историю с осами, Юрка молчал, а когда рассказ был окончен, то он подвел общие итоги все тем же роковым словом:

— Дурак!

— Но ведь я же не знал,—робко попробовал я оправдаться.

— Не знал!—передразнил меня Юрка.—А зоологию учил?

Н-да... Зоологию! Вот если бы он меня спросил, как устроены гнезда африканских термитов, так я бы, пожалуй, ответил. А наши простые русские осы—разве могло мне притти в голову, что это такой страшный зверь.

— Ты, Толька, о природе понятия не имеешь! (это я-то, следопыт?!)—продолжал Юрка,—ну, как же так ухитриться об осиных гнездах ничего не знать? Эх, ты!

После чая Юрка деловито раздал нам удочки.

— Ну, вот что: мы с Васькой пойдем за яму, на перекат, а ты здесь лови, около лагеря... Вон, под тем деревом у меня в прошлом году здорово окуни брали... Да смотри, в воду не кувыркнись—здесь глубоко.

Ребята отошли шагов на сто вниз от меня и, войдя по колено в воду, принялись за ловлю.

Я подошел к месту, указанному мне Юркой.

Громадный ствол сухой березы, опираясь на камни и вывороченные корни деревьев, висел над рекой, далеко выдаваясь за берег. Я решил, что лучшее место для ловли было на конце этого природного мостика.

Балансируя, я сделал несколько шагов по стволу дерева и уселся, свесив ноги.

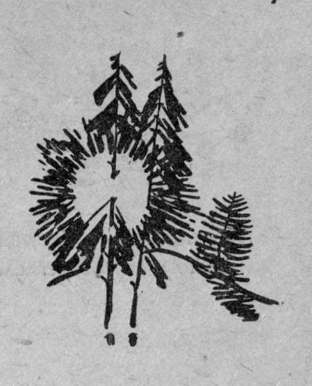
Я имел довольно смутное представление о том, что такое удочка и как на нее ловят рыбу, но все же кое-как насадил червяка на крючок, закинул и застыл в ожидающей позе.

Впрочем, минут через десять мне уже надоело ждать, когда рыба соблаговолит попасться на крючок, и я беззаботно растянулся вдоль ствола, греясь на солнышке...

Я никак не мог ее поймать

Когда я, вспомнив об удочке, взглянул на поплавок, то с изумлением увидел, что он ведет себя более чем странно. Он то ложился на воду, то вставал, то вовсе исчезал под водой, то снова появлялся—вообще плясал какую-то дикую пляску. Я дернул кверху удилище—и на конце удочки сверкнула маленькая, светлая рыбешка. Она крутилась в воздухе, вокруг меня, на туго натянутой леске, и я никак не мог ее поймать. Наконец, изловчился, схватил и взвыл от боли. Твердые, острые иглы вонзились мне в ладонь... Я разжал

пальцы, рыбешка бултыхнулась в воду и поплавок снова начал свою дикую пляску.

На ладони выступила кровь...

Нет. Это было уже выше моих сил: осы кусаются, рыбы колются— да что же это такое в самом деле!..

Я решил, что с меня этого занятия довольно. Положив удилище, я встал и сделал несколько шагов по дереву... Вдруг на противоположном конце его, у самого берега, я увидел длинную, черную змею с ярко-золотой, блестящей головкой. Машинально я сделал еще один шаг. Змея подняла голову и злобно зашипела.

Я отступил...

„Громадные анаконды на реке Амазонке душат крупных млекопитающихся своими стальными кольцами и заглатывают их целиком“—так говорит Майн-Рид.

А я—я ведь тоже млекопитающееся, и даже совсем не громадное...

Анаконды!

Я почувствовал, что от страха у меня мелкой дрожью трясутся ноги... Чтобы не упасть в воду, я сел верхом на дерево, лицом к неприятелю.

Змея успокоилась и, свернувшись колечками, выставила на солнце свою золотую головку...

Что делать?

Прыгнуть в воду? Глубоко, течение быстрое,—утонешь. Ударить ее удилищем? Но ведь анаконды живучи? Если даже мне посчастливится перебить ей спинной хребет, то в предсмертных судорогах, она все же может обвить меня, и тогда...

„Кости молодого охотника трещали под смертельными кольцами чудовищного удава“...

А все же, если попробовать?

Я протянул руку к удилищу.

Золотая головка угрожающе поднялась...

Я отдернул руку и почтительно отодвинулся назад, к самому краю дерева.

Золотая головка поднялась

Говорят, что у страха глаза велики. Это, пожалуй, правильно. Змея уже казалась мне чуть не в десять раз больше своей настоящей величины.

И тут я нашел выход.

— Юрка! Васька!—заорал я отчаянно.

Очевидно, в моем крике было столько ужаса, что ребята, не спрашивая, что случилось, опрометью бросились ко мне.

— Чего?—задыхаясь спросил Юрка, появляясь у кустов у поваленного дерева.

— Анаконда!—дрожащим голосом пролепетал я, указывая на беспокойно шевелящую головкой змею.

— Чего?—Юрка шагнул на дерево. Змея повернулась и зашипела навстречу ему.

— Укусит!—закричал я.—Укусит! Спасайся!

— Это ужак-то укусит?

Юрка нагибается, хватает анаконду за шею и подносит золотую головку к самому своему носу.

— Ну, чего шипишь? Чего злишься, дурачок? Никто тебе ничего плохого не сделает... Ну-ка, плыви!—Юрка перехватывает анаконду за хвост, крутит ею в воздухе и бросает ее в воду.

— Ну и чудак же ты, Толька! Ужа испугался... Эй, да у тебя клюет!—показывает Юрка на поплавок моей удочки.

— Я знаю,—уныло отвечаю я.

— Вот те раз! Так чего же ты не вытаскиваешь?

— Я уже... вытаскивал...

— Ну?

— Колется.

— Кто колется?

— Рыба колется... Вон, вся ладонь в крови.

— Так ведь это же—ерш, его надо снимать аккуратно... Неужто ты даже не знаешь, что ерш—рыба колючая?..

Ерш? Хм! Конечно, я об нем почти ничего не знаю... Вот акулы, электрические скаты—это дело другое. А ерш,—я даже никогда не слышал о том, чтобы в Америке или в Африке водились ерши.

Ерш рыба колючая

Мы находились среди дружественного племени

16. ПРИБЫТИЕ

В тот же день, на вечерней заре, мы под'ехали к большому селу, разбросанному по высокому каменистому берегу реки. Целая толпа ребятишек, барахтавшихся в воде около берега, приветствовала наше прибытие боевыми криками и угрожающими телодвижениями.

Я опасался открытия военных действий без всяких предупреждений, но кормчий-Юрка решительно направил наш корабль в самую гущу загорелых голых тел. И, вместо ударов томогавков и свиста неприятельских стрел, послышались вдруг приветственные возгласы:

— Эге! Да это Юрка с Васькой!

— Здорово, ребята!

— Отколь вас несет?

Я успокоился. Очевидно, мы находились среди дружественного туземного племени.

Переночевав на сеновале у бременча, который оказался суровым с виду, но очень добродушным стариком, на следующий день рано утром мы двинулись в обратный путь.

17. КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ КОМПАС

Там, где широкая торная дорога, миновав раскинувшееся за деревней поле, пряталась в густом сосновом лесу, идущий впереди нас Юрка вдруг остановился.

— Вот это, братцы, серьезно,—обратился он к нам,—есть две возможности: первая—итти по большой дороге: с Сеньги на Горки, с Горок на Свиридово, через Костерево и Мулычино—домой. Вторая—итти прямиком по сенным дорогам и тропинкам, через весь казенный лес. Я, лично, за второй путь,—а вы?

— Ясное дело, прямиком интереснее,—одобрил Васька.

Широкая дорога пряталась в лесу

Я воздержался от голосования, но робко вставил словечко о том, что европейским путешественникам, углубляющимся в неисследованные дебри, необходимо иметь при себе компас для определения частей света, иначе им грозят неисчислимые бедствия.

— Компас—вещь хорошая,—бросил мне на-ходу Васька,—однако, можно и без него обойтись.

— Зачем тебе компас, раз солнце есть,—добавил Юрка,—по солнцу любой дурак определит направление...

Оказаться глупее „любого дурака“ более чем неприятно, поэтому я поспешил принципиально согласиться:

— Конечно, солнце, оно... вообще... с ним, как дома... но если солнца нет?.. Например, ночью?

— А полярная звезда? То же солнце, еще вернее...—беззаботно ответил Юрка.

Зарапортовался. Я ведь сотни раз читал о том, что путешественники находят направление по полярной звезде, но как это делается и где эту самую звезду искать среди прочих ей подобных—об этом не имел ни малейшего представления.

Я непринужденно рассмеялся:

— Вот ведь память у меня! И как это я о полярной звезде позабыл,—непостижимо! Однако, ведь и днем, если пасмурно, так солнца может не быть?

— Ну, и что же?—не сдавался Юрка.—Все-таки направление всегда можно определить. Мох на деревьях растет больше с северной стороны.

— На полянах южная опушка выжжена солнцем, а северная нет,—перебил Васька.

— Наконец,—заявил Юрка,—наша река течет с юго-востока на северо-запад. Значит, общее направление ручьев, впадающих в реку с этого берега будет с северо-востока на юго-запад.

Задача оказалась более чем простой. Стоит только пошире раскрыть глаза, все видеть, все учитывать и соображать. Мне стало совершенно ясно, что в лесу вообще может заблудиться только такой дурак, который неизмеримо глупее „любого другого дурака“. Эту мысль я осторожно высказал шагающим впереди меня ребятам. Юрка как-то странно улыбнулся:

— Да, конечно, ума здесь особенного не надо. Вот, ты покажи, например, в каком направлении находится село, из которого мы только что вышли?

Юрка вдруг остановился

(Продолжение следует).

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Рассказ АНАТОЛИЯ ГИДАША
Рис. венгерского худ. ГРИФФЕЛЯ

В этом номере журнала мы напечатали статью тов. Матэ Залка о вожде венгерского пролетариата Бела Куне. Вы очень мало знаете о Венгрии, поэтому вам интересно будет прочитать рассказ венгерского писателя Анатолия Гидаша о том, как жилось ему, когда он был в вашем возрасте. В рассказе описано то время, когда Бела Кун, о котором вы прочтете ниже, был председателем Совнаркома Венгерской республики.

Рисунки к рассказу делал венгерский художник т. Гриффель. Его рисунки хорошо известны немецким ребятам. Он постоянный художник журнала немецких пионеров „Ди Троммель" („Барабан")

1

Нас всегда было много. Состав, так сказать, „переменный", всего в общем не меньше восьми. Рождались и помирали, но постоянно никогда не было меньше восьми. Двое, Мария и Мартын, были взяты скарлатиной, Людвига задавил трамвай, а маленький Иосиф—два года даже сесть не мог, только ручками шевелил. Через два года и это ему надоело, как раз когда прибыл десятый брат. Умер он тихо, как бы уступая новорожденному место. Площади у нас никогда нехватало. Комната всегда была мала, а квартирная плата высока.

„Старик" (отец) был сапожником. Комната была длиной в 4 метра и такой же ширины. Впереди была мастерская, а сзади квартира. Так жили мы в течение 23-го года.

Две деревянных кровати, строганый шкаф величиной в слона, стол, несколько стульев и пятиполочная этажерка, отделяющая „мастерскую" от „квартиры" (на ней валялись колодки и рваная обувь)—вот из чего состояла обстановка. Дети поменьше, до 4-х лет, спали в „большой кровати", мы же забирались только рано утром, когда старики уже встали, а все остальное время мы спали на полу.

До сих пор не знаю, почему мы смеялись, как сумасшедшие, когда бывало кровать сломается, и старик ногами, одетыми в кальсоны, барахтался в ней, без особой мягкости вспоминая бога и других обитателей высшего мира. На тюфяке в таких случаях раздавалась песня:

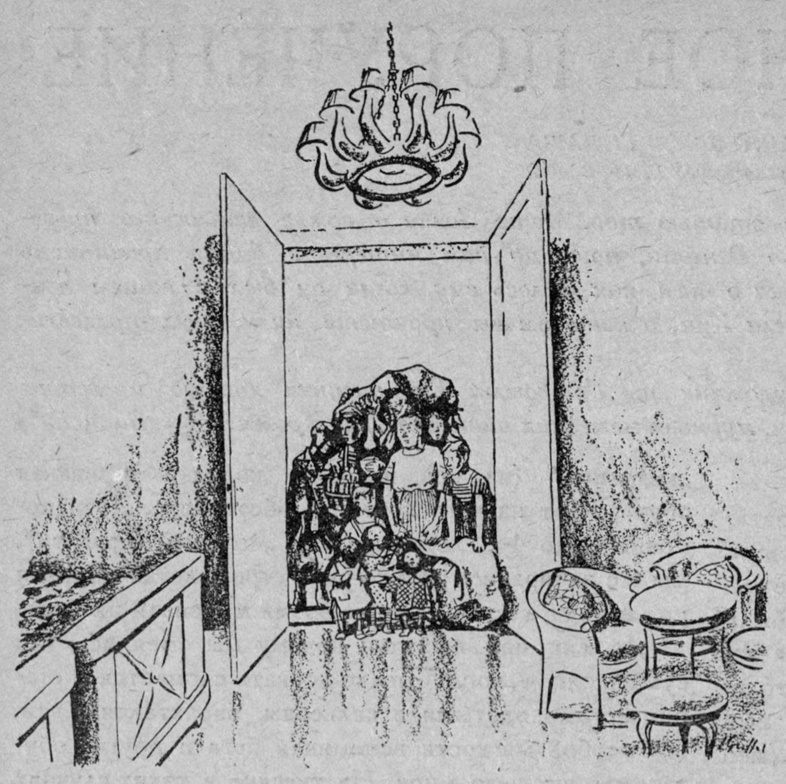
„Раз я только был у вас,
Кровать ваша сломалась,
Трес-трес-нула, даже шлепнула".

А вслед за песней маленький Саша протяжно изо всех сил кричал:

— Землятресение-е-е-е-е!

Наша комната

Мы переселяемся в новую комнату

Старик ругался.

Сашка прятался под одеялом, мучимый сдавленным смехом. Мы пихали в рот одеяло и краснели от насилу сдерживаемого смеха. А старик, с молотком в руках, продолжая ворчать, брался за починку сорвавшихся перекладин.

Квартира была так мала, что половину тюфяка приходилось совать под кровать. Конечно, мы никогда не ложились головой под кровать, а протягивали туда ноги. Всегда приходилось следить, как бы кровать не рухнула и не отрезала наших сунутых под нее ног. В изобретательности у нас не было недостатка, и мы всегда сооружали из маленьких скамеек, табуреток и других предметов прикрытие для ног.

Переселение в другую квартиру происходило очень просто. Мать ходила мыть полы на новой квартире, а отец прикатывал ручную тележку, на которую мы клали слоноподобный шкаф, две деревянных кровати, стол, табуретик и этажерку. Двух детей он запрягал в тележку, сам подталкивал ее. Остальные таскали разную мелочь, иногда детское имущество. Я всегда нес в левой руке керосиновую лампу, а в правой маленькую корзину склянок из-под томатного пюре. Это поручали мне, говоря:

— Ты, сынок, знаешь, если ламповое стекло разобьется, даром тебе другого не дадут, остальные этого еще не знают, а ковригу хлеба небось могут с'есть в один присест...

По утрам бывало душно; окна по ночам никогда не открывались. У нас всегда болели головы, глаза слипались, мы никогда не высыпались.

Когда я был подростком, у четырех из нас были билеты для входа в туберкулезную амбулаторию на улице Кериш. По ночам мы кашляли взапуски. Условия нашей жизни были под силу только старикам. Они пришли из деревни, у них был запас здоровья. Отец был силен как буйвол, бывало, ударит нас по лицу, из глаз искры сыпятся.

Так у нас обстояло дело с квартирой.

2

С грехом пополам кончил я шесть классов нормальной школы. Немного мешала занятиям продажа шнурков для ботинок до школы или даже во время занятий. Еще больше мешало то, что меня отдали учеником в торговое заведение Ильи Эдуарда Клейн по улице Луизы № 5.

Мое учение в школе походило на скачку с препятствиями. Хотелось учиться. Всеми силами стремился посещать школу и, сдав разные дополнительные экзамены, я добрался до реального училища. В летние каникулы работал на фабрике, а в течение учебного года обучал детей в пригороде Кебана на Дехфовском Пивном Заводе, в четвертом районе. Попадал я домой в 9—10 часов вечера, усталый и голодный чтобы получить на ужин мамалыгу.

Была уже война, старика забрали в „герои“, несмотря на то, что до медицинского осмотра выпил два литра черного кофе, чтобы получить сердцебиение и отделаться от военной службы.

Когда мне стало 16 лет, мое „учение кончилось“, т. к. меня вышвырнули из школы. Высшее реальное училище на улице Горански было школой для „средних классов“, а я, побывав 3—4 месяца на консервной фабрике и на оружейном заводе, потерял

всякое приличие. Мы, т.-е. я и школа, не могли перенести друг друга и расстались друг с другом.

3

Теперь буду краток, чтобы не ввести вас в окончательное заблуждение, т. к. вы и так уверены в том, что я рассказываю небылицу.

Да. Представьте. Одна из комнат была длиной в 18 метров. В апреле 1919 года старик стал красноармейцем и вместе со мной стоял в строю перед зданием парламента, потом у жилищного отдела 6-го района. На руках у нас были 4 билета для посещений туберкулезной амбулатории, 8 штук метрических свидетельств, 4 профсоюзных книжки, один членский билет Коммунистической партии Венгрии, выданный в декабре 1918 года, и удостоверение о прописке. Нам дали три комнаты на улице Делибаб, одна минута ходьбы от городского парка, в районе особняков. Одна из комнат была, как я уже сказал, длиной в 18 метров и шириной в 7 метров. В ней находился стол такой, что если раздвинуть его, за ним могли пообедать не десять, а сорок человек.

Прежний владелец, очевидно, пользовался этой комнатой, как столовой. Мы делали то же самое. Остальные две комнаты были гораздо меньше, „всего только 18 метров“, кроме того у нас был балкон, передняя с колоннами и отдельная кухня в подвальном помещении, откуда мать—первые дни совершенно растерявшись—на лифте посылала обед наверх. Для каждого из детей имелась отдельная кровать, а для меня,—я уже тогда чувствовал себя поэтом,—письменный стол и книжный шкаф. Воздуху столько, что хоть плавай.

4

А в июне меня приняли в университет и платили 800 крон за то, что я учился.

5

Я не суеверен. По утрам я слишком сонный для того, чтобы обратить внимание—правой или левой ногой ступаю я на пол.

В первой недели июля меня в профсоюзе взяли на военную службу—мне было уже 18 лет,—и я должен был явиться 5—10 августа. Учение вот опять оборвется,—думал я, но не жалел об этом. С нетерпением ждал срока явки, и так как старик был красноармейцем, то я надел его запасной мундир и фуражку, хотя она была немного велика.

30 июля утром я не вытерпел и, одев мундир, вышел на улицу, погарцовать малость. На другой день после обеда я узнал, что советское правительство вышло в отставку.

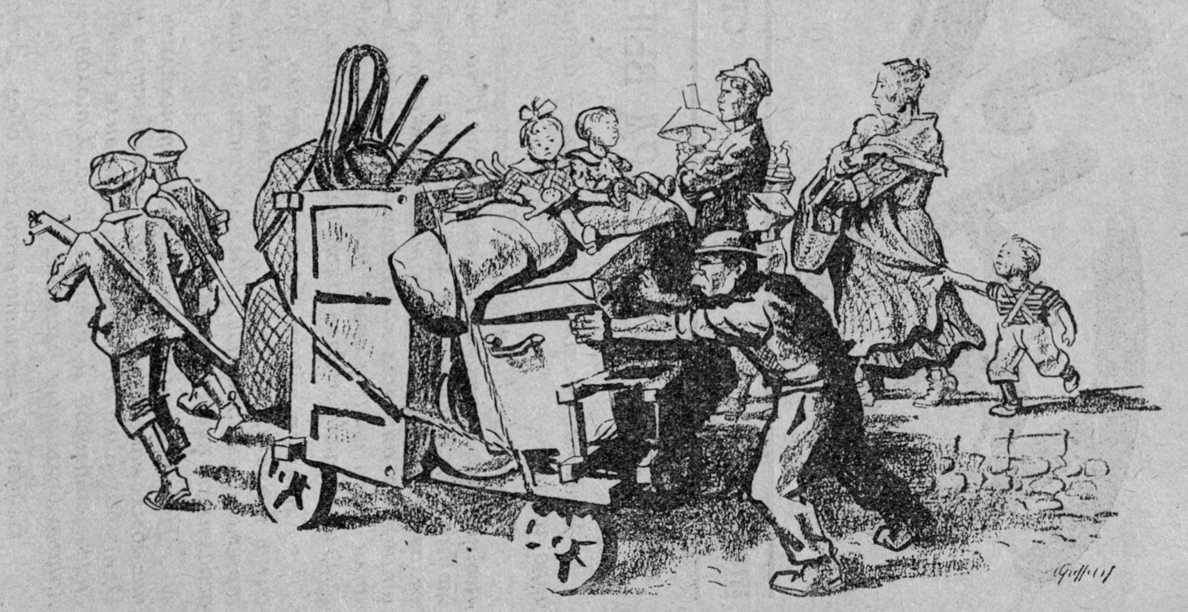
До позднего вечера я шатался в своем мундире и солдатской фуражке, а потом снял их и положил обратно на место.

6

В августе нас переселили в кухню, потому что вернулся владелец особняка, большой, большой барин. Нам вернули наш слоноподобный шкаф и все стальное барахло, и мы жили в подвале на каменном изразцовом полу. Владелец особняка ежедневно нас посещал, спрашивая, когда же мы уберемся, а то он удалит нас при помощи румын.

Старик, продав несколько пар ботинок и приложив в дело весь наш запас денег, добился у жилищного управления в октябре одной комнаты с кухней. Прежнему жильцу мы отдали деньги, а чиновнику жилищного управления две пары новых ботинок из шевро фирмы Корнелиус-Гайл.

И примерно в ту же неделю, когда Хорти и его армия через город Буда вступал в Пешт при моросящем осеннем дожде, я опять нес, идя за маленькой ручной тележкой, керосиновую лампу и небольшую корзинку с пустыми банками из-под томатного пюре.

Я опять шел с лампой в руке

Год издания 1-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

№ 7

ИЮЛЬ — СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ — 1928 г.

АВАНГАРД ВЫЕХАЛ

Я, Вася, Митя, Нина и Вера — авангард. Нас выбрали в ударную группу.

Поэтому 11 июня, в 7 часов утра, мы и несколько комсомольцев нагружали грузовой автомобиль. И чего-чего только не было на автомобиле после того, как мы закончили работу!—Торчали кверху ножки складных коек, сбоку высовывалась скамья, внизу погромыхивали котлы, отрядная аптечка красовалась на самом верху. Все это мы перетянули веревками, а сами залезли наверх. Вожатый Костя сел рядом с шофером; автомобиль рявкнул и покатил.

Ехать, в общем, было очень весело. Только пока ехали по городу очень трясло, так что даже нельзя было разговаривать. За городом тряска прекратилась. Мы любовались полями и лесами и смеялись, вспоминая городскую тряску.

После приезда мы дружно принялись за работу. План дома у нас был раньше — поэтому нам быстро удалось расставить койки. Одну большую комнату мы оставили свободной—в случае дождя она будет столовой и местом сбора. Столовую устроили около дома, под пятью большими кленами.

Сейчас будем готовить себе обед. Завтра будем продолжать работу. Мы никогда не думали, что так много нужно сделать! Нужно еще устроить читальню, тир, установить радио, мачту для флага, собрать два больших стола, оборудовать площадку для физкультуры и многое другое. У-фф!!!

Ну, дорогой „Бумеранг“, до свиданья! Эта заметка поедет в город на автомобиле, а там ее шофер опустит в почтовый ящик. Когда закончим работу, тогда пришлю еще одну заметку.

Ленинград. Ваня Гусев

ПОЧЕМУ МЫ ЧИТАЕМ БУМЕРАНГ,

ПОТОМУ ЧТО ПРО НАС НАП.САНО

ТЕЛЕГРАММЫ

Москва (по телефону). В Москве обнаружено несколько отрядов, не знающих—что такое „Звеноскоп“. Предполагается, что они погибнут, не научившись по „Звеноскопу“ проводить походы.

В гор. Одессе и Сведловске 10 и 11 июня закончились конференции читателей журнала „Пионер“. Подробности в № 14 „Пионера“.

МНОГО КИЛОМЕТРОВ ПЕШКОМ

В 6 ч. 30 м. утра начали собираться. В 7 вышли. Перед отходом разделились на две группы: одна, в 5 человек, пошла на Ярославский вокзал—они несли одеяла и подушки всего отряда и должны были отвезти их до Перловки; вторая, большая группа, в полном походном снаряжении, отправилась к Сухаревской башне. Там мы все сели на трамвай № 9 и покатили. Ехали очень долго, так что даже надоело. Трамвай увез нас далеко за город. Наконец, вожатый встал—мы все так и подскачили: наконец-то, вылезать!

В Лосинке Мишка, Зинка, Степка истратили все свои деньги на мороженое (Степка даже отморозил себе зубы и завязал щеку галстуком).

В Лосинке мы отдохнули часа 2 и пошли в Джамгаровку. В Джамгаровке мы прямо пошли в пионер-дом имени Коминтерна, оставили там все свои вещи, взяли мыло и полотенца и пошли купаться. Дорогу к пруду указывали наши разведчики—Миша, Тоня и Зина. Мы думали, что будем купаться долго, но из этого ничего не вышло. Вода была очень холодная. После купанья мы пошли обедать в пионер-дом. Обед был такой вкусный, какого никто из нас никогда в жизни не ел. Это мы решили на «общем сборе» во время обеда. Потом устроили мертвый час. Сперва никто не хотел ложиться, и получилось «шумные полчаса». Но потом все заснули, а когда проснулись, то узнали, что вышло больше двух мертвых часов.

До вечера играли с ребятами пионердома в разные игры. И все они нас обыгрывали. Но это ничего не значит, потому что они уже натренировались, а мы—нет. А ребята они очень хорошие. Мы с ними будем теперь переписываться.

Москва. Пионер 142 отряда
Зам. района

КТО ПОМОГАЕТ СТРОИТЬ САМОЛЕТ

Строим „Пионер“

1. Ташлинский и Нижне-Петровский отр. Ю. П. Оренбургской губ., Троицкого района, село Догады—6 р.
2. Макарьевская школа 1-й ступени, Новинского района, Бийского округа, Сибкрай—1 р.

Строим „Школьник“

3. Орел, Песочинский вик, Орловского уезда, деревня Сухая Орлица, школа, учт. Попова Ф. И.—2 р. 30 к.
4. Верхне-Мамон., Богучарск. уезда, Воронежск. губ., 1-й район, школа, форпост Ю. П.—9 р. 26 к.
5. Маньяр, Уральск. области, Златоустинский округ, школа 1-й ступени—11 р. 50 к.
6. Духовщина, Смоленск. губ., шк. 2-й ст.—10 р. 21 к.
7. Рассошанская школа, Кошарск. района, Донецкого округа, ЕКК—4 р. 36 к.
8. В. Калиновская школа, учком—5 р. 45 к.
9. Железнодорожн. школа семилетка № 2, гор. Ржев—8 р. 49 к.
10. Н. Остаховская школа 1-й ступени, Кошарского района—4 р.
11. Учком Федоровской школы семилетки, Таг. окр.—1 р. 50 к.
12. Лосиноостровская школа 1-й ст.—3 р. 40 к.
13. Стояновская школа Каменского сельсовета, Каширского района, Донецкого округа, Севкавкрай—2 р. 14 к.
14. Ново-Николаевская школа Рассошанского сельсовета, почтовое отделение Кошары—5 р.
15. Люгиново, Брянск. губ., Бежецкого уезда, школа № 3 1-й ст.—3 р. 50 к.
16. Старинская школа—18 р. 09 к.
17. Манино, Богучарск. уезда, Воронежск. губ., райшкола, от школ. волости—10 р. 28 к.

ВОССТАНАВЛИВАЕМ АРТЕК

Бюро юных пионеров при ОК КСМ от пионеров Устьсысольска в фонд Артека—30 р. 65 к.

Бюро юных пионеров при ОК КСМ от пионеров в Устьсысольска фонт Артека—18 р. 95 к.

ХОТИМ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ

1. Пионер-отряд при детдоме хочет переписываться с пионер-отрядом при детдоме на Кавказе. Адрес: г. Себеж, М. Б.-Б. ж. д., Ленинградской обл., Великолуцкого окр., детдом, пионер-отряду.

Кавказ откликнись!

2. 1-й отряд Бауманского района хочет переписываться с пионерами Чувашской республики. Адрес: Москва, Гороховская 20, Гос. Институт Физкультуры, пионер-отряду.

3. Пионер-база, г. Новгород н/Волхове. Местком водного транспорта, для пионербазы.

4. Отряд им. К. Маркса хочет переписываться с московским отрядом. Адрес: ст. Медведовская, Кубанского округа, Тимошевского района, отряд № 4 при школе 2-й ступени им. т. Луначарского.

5. Отряд при детдоме—г. Ленинград, Советский проспект, 39, 5-й детдом—12-му отряду юных пионеров.

6. Пионеры таможни хотят переписываться с московскими пионерами. Адрес: г. Ташкент, Зарабулакская ул., 8/11, Ташкентская таможня — Леонтьеву для отрядов.

Международный костер

Это был такой большой костер, что было даже жарко сидеть около него и все постепенно отодвигались. Сделали мы его по всем правилам, как в „Звеноскопе“, только круглым.

Огонь освещал чьи-то бороды, усы, головы в больших цветистых платках. Среди них сидели ребята в красных галстуках. Были ребята и без галстуков. Мы пели песни. Вдруг в стороне трахнула и взлетела ракета, за ней другая, третья, а внизу бенгальский огонь разлил странный свет.

Так заканчивалось торжественное открытие нашего лагеря. Начали мы его часа в 4 дня живой газетой, декламацией, песнями. Потом показывали нашим гостям, крестьянам из соседней деревни, физкультуру, играли вместе с крестьянскими ребятами в подвижные игры.

Так мы открыли свой лагерь.

В. Н.

Где лагерь?

В прошлом году к нам в лагерь пошли ребята из другого отряда. Они долго искали нас и насилу нашли.

Чтобы этого не случилось и в этом году, мы сделали вот что: на расстоянии в полкилометра на всех дорогах мы установили столбики, к ним прибили жестяные квадраты с нарисованными дорожными знаками, по которым легко можно узнать, куда итти в наш лагерь. Мачту с флагом мы сделали вдвое выше, чем в прошлом году. Теперь нас не разыскать может только тот, кто не знает дорожных знаков.

Москва. Звено „Красный Пионер“

Володя Федосейчиков

ПРОИСШЕСТВИЯ

1. В гор. Ливны, Орловской губ., педагог Скуридин избил, обругал ученика 6-й группы Леонова. Скуридин снят с работы и привлечен к ответственности.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

1. 142-й отряд Зам. района 17-го июня провел первый поход. Поход прошел хорошо. Кто еще проводил походы? — Пишите в „Бумеранг“.

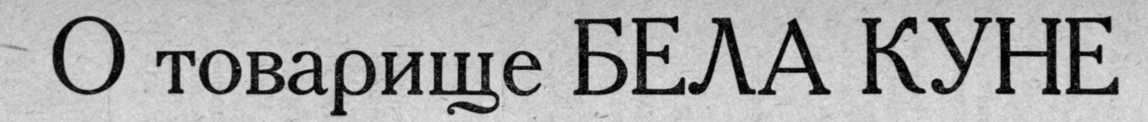
2. „Бумеранг“ ждет от своих читателей заметок о лагере, походах, экскурсиях и о многом другом.

Пишите!!! Пишите!!! Пишите!!!

3. Продолжается подписка на 2-е полугодие на журналы „ПИОНЕР“, „ЗНАНИЕ—СИЛА“ и „ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ“. Все пионеры и школьники должны читать эти журналы, иначе они не будут знать, что делать летом, осенью и зимой. Кроме того, в журналах интересные новости и рассказы.

Спешите подписаться!!!

Кто первый?

О товарище БЕЛА КУНЕ

Матэ ЗАЛКА

1. Ребята! Что вы знаете о товарище Бела Куне? Много ли?

Вы знаете, что он вождь венгерского (правильно надо сказать мадьярского) пролетариата, что он сейчас попал в руки австрийской полиции, и мадьярские фашисты жаждут мести и крови нашего дорогого товарища, требуют его выдачи— выдачи для расправы с ним.

2. А ну-ка, посмотрим, кто такой Бела Кун, кто такие австрийские полицейские, кто такие мадьярские фашисты и почему они так злы на нашего товарища Бела Куна?

3. Тов. Бела Кун до войны в Венгрии работал в профсоюзном движении, был всегда революционно настроен и стоял в оппозиции к социал-демократам.

Вы знаете, что в 1914 году грянула война. Эту войну социал-демократы могли бы превратить в гражданскую войну и в мировую революцию.

Так было это решено давно—но не так случилось. Социал-демократы— особенно австрийские и германские—вместо того, чтобы рабочих и крестьян призывать к восстанию, уговорили их итти на империалистическую бойню.

Итак, забрали тов. Бела Куна тоже. Он тогда рвал и метал— но что он мог сделать один?

4. В 1916 году он попал в плен в Россию и как только мог, он сорвал с себя все знаки отличия, которые был он обязан носить, как окончивший школу.

Но тов. Бела Куна чинами не подкупишь. Как только он попал в плен, он начал пропаганду среди военнопленных рабочих и крестьян, раз'ясняя истинный смысл войны. За это его офицеры возненавидели.

5. Грянула у нас революция—сперва Февральская, потом Октябрьская.

Тов. Бела Кун не сидел сложа руки. Он собрал своих единомышленников—тов. Фрица, Тибора Самуэлли (славно погибшего во время мадьярской советской республики) и других, и говорил: „Дело Ленина—большевистская революция—это дело не только русского рабочего класса, это дело трудящихся всего мира. Поэтому давайте поможем русским товарищам .

Тов. Бела Кун

И вот по его призыву и призыву других его товарищей создаются славные геройские интернациональные батальоны Красной гвардии и Красной армии.

6. В 1918 году, в октябре месяце, в Будапеште вспыхивает революция. Тов. Бела Кун прощается с тов. Лениным—едет на родину, создает подпольную партию и „Будапештский октябрь" он сменяет „Большевистским Мартом" (в 1919 г. 21/III в Будапеште совершился большевистский переворот).

7. Если вы посмотрите на карту, то увидите маленькую изолированную Венгрию. Кругом нее враждебные, буржуазные страны.

С востока на нее наступала боярская Румыния, с северо-запада предательски наскочила „демократическая" Чехо-Словакия, с запада—до зубов вооруженные австрийцы, социал-предатели, и с юга наступали итальянцы.

Боролась геройски венгерская Красная армия. Бил беспощадно внутренних контрреволюционеров Тибор Самуэлли.

Тов. Ландлер вел войска, тов. Бела Кун был во главе правительства. Он выгнал буржуазию из ее владений и фабрик. Но коммуну мадьярских трудящихся задушил внутренний разлад и внешнее наступление. В августе 1919 года пала власть советов.

8. Тов. Бела Кун покинул Будапешт. В Вене австрийцы его арестовали, томили в тюрьме, отравить хотели—не удалось. Мощное слово Советской Республики открыло ему ворота австрийской тюрьмы, и он в 1920 году приехал в Москву.

9. С тех пор тов. Бела Кун неустанно отдавал все свои силы на дело всемирной революции. Он везде там, где самая большая опасность. Он верный большевистский солдат и стойкий революционный вождь.

Его знали все мадьярские рабочие и крестьяне. О нем тайно поют песни на венгерских равнинах и в рабочих казармах Будапешта.

И он хотел быть поближе к своим любимым товарищам—он поехал в Вену, которую социал-демократы называли „верным убежищем" политических эмигрантов.

10. И оказалась эта прекрасная „демократическая" Вена просто ловушкой. Австрийские социал-предатели—чтобы услужить своим властителям-англичанам— поймали и заточили дорогую птицу.

И теперь мадьярские фашисты, те, у которых тов. Бела Кун отнял землю и заводы, хотят его получить для расправы. Они из Лондона направляют интригу: они знают, что для Москвы Бела Кун дорог, и хотят они осиротить СССР его смертью.

Ребята, вместе с тов. Гидашем, поэтом мадьярских трудящихся, с пролетариатом всего мира скажем:

„Руки прочь от Бела Куна"!

НЕ ОТДАДИМ

Перевел с венгерского А. БЕЗЫМЕНСКИЙ
Стихотворение АНАТОЛИЯ ГИДАША

На ноги Мир! Никаких колебаний!
Грудь миллионов—
Стяг и броня.
Пусть плакаты
Со стен
зданий
Рвутся в жизнь
Языками огня.

Пусть гремят
сердца и плакаты
В честь вождя
Венгерской Коммуны:
Руки прочь
от первого солдата!
Руки прочь
от Бела
Куна!

Братья! Товарищи!
Словом не спорьте!
Только пред силою
Дрогнет
Враг.
Гнев и решимость
к лицу
Хорти
Пусть поднесут
Боевой
Кулак.

Пусть гремят
сердца и плакаты
В честь вождя
Венгерской Коммуны
Руки прочь
от первого солдата!
Руки прочь
от Бела
Куна!

Двинемся вместе
Единым станом.
Лондон бастует! Берлин гремит!
Пусть
Рабочие Вены
встанут
Грозным тараном
У стен тюрьмы.

Пусть гремят
сердца и плакаты
В честь вождя
Венгерской Коммуны:
Руки прочь
от первого солдата!
Руки прочь
от Бела
Куна!

Пусть наш огонь
понесется по странам
И, осветив
тюремную мглу,
Так по лицу
Австрии грянет,
Чтобы у Англии
свернуть
скулу.

Пусть гремят
сердца и плакаты
В честь вождя
Венгерской Коммуны
Руки прочь
от первого солдата!
Руки прочь
от Бела
Куна!

Крови возжаждал
Наш враг
Упрямый,
Сердце рабочим всех стран
холодя.
Нет!
Никому
Ни за что
Никогда мы
Не отдадим
Своего вождя!

Пусть гремят
сердца и плакаты
В честь вождя
Венгерской Коммуны
Руки прочь
от первого солдата!
РУКИ ПРОЧЬ
ОТ БЕЛА
КУНА!

Павел рассказывал о бизонах

ЛЕСНЫЕ

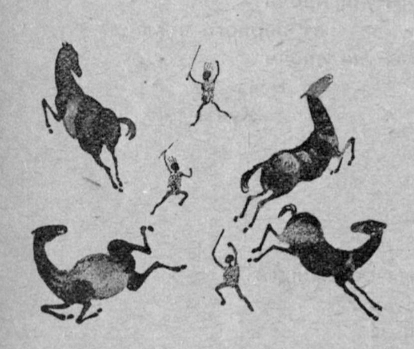
(Либретто)

Авторы: Н. Экк и Р. Янушкевич

Рисунки художника А. Брея

ОТ АВТОРОВ ЛИБРЕТТО.

Мы, авторы либретто „Лесные братья“, обращаемся к вам с просьбой: помогите нам написать хорошее либретто (т.-е. краткий рассказ, из которого потом будет сделан сценарий, а по сценарию поставлена кино-фильма) из пионерской жизни и из жизни неорганизованных ребят деревни. Мы обращаемся прямо к вам—будущим зрителям кино-картины: прочтите внимательно наше либретто, разберитесь, что в нем интересное и нужное и что ненужное, неинтересное, а также пришлите нам все, что вы сами придумаете или что вы знаете интересного из жизни ребят. Весь материал, который вы пришлете, мы примем во внимание и переработаем наше либретто по вашему коллективному желанию. Только так мы создадим сообща хорошую пионерскую кино-картину. Основная цель нашего либретто „Лесные братья“—показать, что не надо увлекаться приключенчеством, шалашами и пр., и параллельно показать работу пионер-отряда в деревне, военный поход и организованность и силу коллектива.

Перерезали путы, угнали лошадей

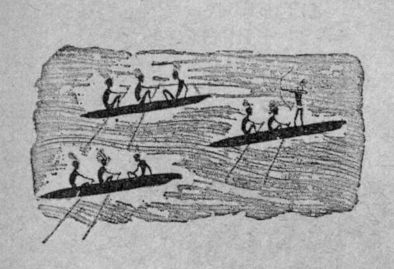
В глухую деревню приезжает из Москвы сын рабочего—Павел. Он мечтает о подвигах. Герои книг и кино — от Робинзона до Вильяма Харта—владеют им безраздельно.

В деревне Павел сразу становится вожаком деревенских ребят. Часами рассказывает им о любимых героях. Эти рассказы о чудесных приключениях передаются мультипликацией и отдельными сценами из приключенческих фильм.

Павел предлагает ребятам организовать отряд „лесных братьев“ (конечно, без девчонок). Предложение восторженно принимается. В лесных зарослях над обрывом у речки высоко на верхушках деревьев начинается таинственная постройка „воздушных хижин“. У мужиков и баб все чаще „таинственно“ исчезают необходимые вещи—от крынок для молока у баб, до топоров, веревок и кос у мужиков. Бабы начинают поговаривать о сверх‘естественной силе. Деревня всполошилась. „Воздушные хижины“ постепенно оборудованы таинственно пропавшими предметами. Отряд „лесных братьев“ одет в фантастические костюмы: перья на голове, луки в руках, одежда—бараньи шкуры и лопухи. У Павла—главаря—имеется даже дробовое старинное ружье, похищенное одним из ребят у своего отца. Павел производит смотр своему отряду.

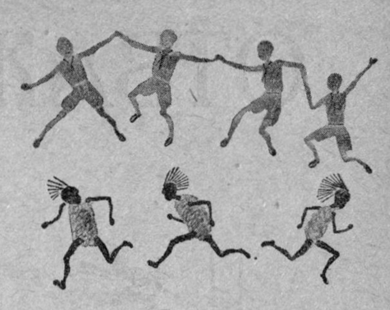
Однажды утром прибежавший перепуганный пастух расказывает, что в „ночном“ произошло что-то неладное: среди ночи из лесу выскочили какие-то существа в перьях, бросились к лошадям, перерезали им путы, пастуха связали и угнали лошадей. Только на рассвете пастуху удалось освободиться, а лошади, взмыленные, вернулись обратно. Деревня и весь округ терроризированы вплоть до единственного милиционера, пугающегося каждого предмета. В деревне устраивает лагерь отряд пионеров. Делегация баб и мужиков рассказывает о необычайных событиях. Пионеры обещают помочь деревне и расправиться с „нечистой силой“. Утром, во время гимнастики неизвестно откуда в группу пионеров влетает стрела с запиской: „Ультиматум. Если вы—красные галстуки—немедленно не покинете наши владения мы об‘являем вам войну. Отряд „лесных братьев“.

Отряд решает организовать военный поход против „лесных братьев“. Высланная разведка доносит, что в глухом затоне, на реке приготовлены лодки. Пионер-отряд выступает походом, оставив охранение в покинутом лагере. В это время отряд „лесных братьев“ готовится выступить в „военный поход“. Речь главаря—Павла—перед выстроенным отрядом. Отряд грузится на лодки и, покидая „воздушные хижины“, отправляется речным походом к стоянке пионеров. Это наблюдает разведка пионеров. Отряд пионеров разделяется на две части—бо́льшая следует

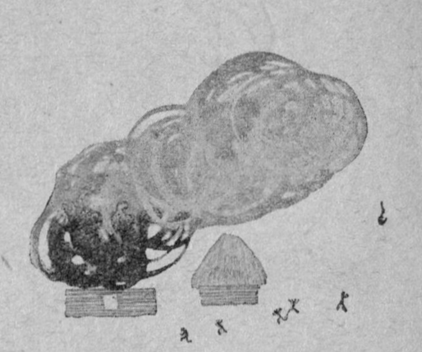
Речной поход к пионерам

БРАТЬЯ

Лесные братья взяты в плен

за лодками, меньшая занимает покинутые „воздушные хижины".

Отряд „лесных братьев" высаживается на берег. Пионеры по всем правилам стратегии окружают „лесных братьев", ловко овладеват лодками и прячут их в кустах. „Лесные братья" пробираются в „покинутую" стоянку пионеров. Там в засаде запрятаны пионеры. По трубному призыву выскакивают спрятавшиеся пионеры, к ним присоединяются остальные и завязывается „сражение". „Лесные братья" в ловушке. Большая часть обезоружена и взята в „плен" пионерами. Меньшая часть спасается бегством к реке. Лодок нет. Часть бросается вплавь. Среди них— Павел, ловко нырнувший и скрывшийся от чуть не поймавших его пионеров. Когда меньшая часть „лесных братьев" собирается к своим „хижинам"—их по одиночке захватывают спрятанные в хижине пионеры. Ночь. В деревню прибывает вестник, говорит, что таинственные „лесные братья" захвачены. Крестьяне ждут привода „пленников". Ведут. Бабы крестятся. Общее удивление переходит в ярость, когда мужики и бабы узнают в „лесных братьях" своих сыновей. Мужики собираются пороть ребят. Вожатый отряда пионеров останавливает мужиков и говорит, что в благодарность за освобождение от „лесных братьев" родители должны оставить своих ребят на месячный срок „пленниками" в отряде, при чем „пленники" будут исполнять ту работу, какую им дадут „победители". Родители соглашаются. В дальнейшем показывается, как спасся главарь Павел, как он один живет в покинутых „воздушных хижинах" и как его посещает убегающий тайно ночью один из пленников— бывший „лесной брат", который приносит ему еду. Параллельно показывается, как пионеры приучают ребят к жизни в отряде, к чистоте, к работе. Крестьяне довольны, т. к. пионеры заставили „пленников" работать у своих же родителей, помогая в хозяйственной работе. У Павла—простудившегося после ночного купанья и поранившего себе руку — начинается лихорадка и воспаление ранки на руке. Павел грязен, зарос, исхудал от голодовки и все же он отказывается итти в деревню. Отряд пионеров, узнав о продолжающем скрываться главаре, решает и его изловить. Посланные из отряда ребята находят Павла в беспамятстве в одной из воздушных хижин. Павел заболел. Пионеры дежурят у его постели. Через некоторое время Павел поправился, но все еще дичится пионеров. Однажды в разгаре полевых работ—когда все мужики и бабы в поле—в деревне, на краю околицы загорается сарай. Тревога. Набат. Пионеры, работавшие на огородах у крестьян, по трубе—организованно собираются, бегут за ведрами и устанавливают „живую цепь" к реке, передавая воду в ведрах и обливая соседнюю избу водой, не дают огню перекинуться и распространиться. Сбегаются мужики и бабы, помогают пионерам. В разгаре пожара прибежавшая баба кричит, что в горящем доме остался ребенок. Павел решается на героический поступок и бросается в огонь. Все в ужасе ждут, что Павел погибнет. Подбежавшая другая баба говорит, что ребенка уже спасли, и что мальчик зря полез в огонь. Толпа в панике. Павел внутри избы. Кругом огонь и дым. Павел ищет ребенка. Толпа ждет. Пионеры решают спасать Павла. Из ведер льют воду на окно. В это время в окне появляется Павел, держа в руках... поросенка. Радость толпы.

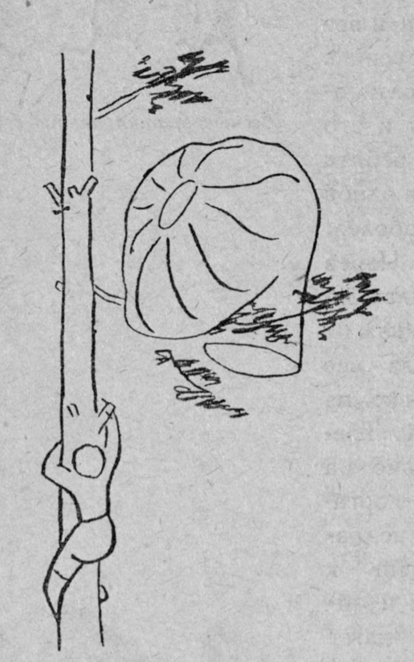

Загорелся сарай

А через два месяца крестьяне провожали пионер-отряд в город. Пионеры при расставании дарят в каждую избу по табуретке, сделанной в столярной мастерской, и передают столярное оборудование организованному пионер-отряду из бывших „лесных братьев". Во главе отряда—вожатый опять Павел, нашедший применение своим способностям организатора, разумное применение своей энергии вожака. Два отряда салютуют друг другу, проходя под гармонику перед сидящими на новых табуретках празднично разодетых крестьян.

Павел с поросенком

ОТВАЖНЫЕ АВИО-ДЕВЧАТА

Выписка из дневника звена „КРАСНЫЙ ПИОНЕР". Дневник пишет в последнее время Б. Бобкинс—бывший звеньевой поэт.

Нынешнее лето очень скучное. Во-первых потому, что мы в лагерь не поехали, во-вторых потому, что дождь.

Дождь вещь мокрая и льется из туч. Говорят где-то за границей изобрели пушку против дождя, эта пушка разгоняет тучи. Мы предложили Коле Булкину построить такую пушку. Он охотно взялся.

По его проекту в снаряд с окошком и дверью сажают человека. Пушка стреляет в тучи. Человек вылезает и метлой выметает ее с небесного свода.

Проект был совсем готов, когда оказалось, что Коля упустил одно обстоятельство — на чем будет стоять этот несчастный человек, когда он вылезет из снаряда? Ведь держаться-то не за что.

Так ничего и не вышло.

Молчали только девчата. Они заговорили тогда, когда мы выжали из себя все проекты и сморщились как резиновые пустые чертики.

Девчата предложили такую штуку, которая стоила пушки Коли Булкина и была гораздо проще.

Девочки предложили построить воздушный шар. Это была прекрасная мысль.

Воздушный шар наших девчат делается из бумаги. Это очень хорошо, бумагу достать легко.

Звено сразу превратилось в авио-завод, девочки—в главных инженеров, Олег—в чернорабочего, остальные определенных должностей не имели и все присматривались.

Девочки этими присматривающимися были недовольны и говорили, что они (в том числе и я) бездельники и лодыри.

Тогда я пошел в писчебумажный магазин покупать четырнадцать цветов папиросной бумаги.

Пятьдесят шесть листов четырнадцати оттенков стоили 1 р. 40 к. по четыре листа каждого цвета. Плитка столярного клея стоила 20 к. В магазине очень удивились, когда я просил четырнадцать цветов, а когда я сказал, что это нужно для воздушного шара, они советовали мне остаться в Москве и не лететь на север за Нобиле и Амундсеном.

Главное командование приняла Маруся. Мы склеили всю бумагу по четыре листа одного цвета в длину. Получилось четырнадцать длинных полос.

Клеили мы полчаса, должно быть, не больше, жидким столярным клеем. Когда все полосы были готовы, Маруся скомандовала положить их все одна на другую и стала делать выкройку. Откуда она узнала про нее, не знаю.

Длина выкройки 260 сантиметров. Ширина в самом широком месте 40 сантиметров. На рисунке все это очень показано.

Выкройку Маруся положила на стопку бумаг и осторожно начала по выкройке вырезать все четырнадцать полос сразу. Мы стояли вокруг, затаив дыхание. Громко дышал один Шамет. Мы были этим очень возмущены, но он говорил, что у него дыхание так устроено.

Когда Маруся вырезала листы по выкройке, мы стали склеивать их по два. Это была долгая история. Тонкие листы бумаги не любят клеиться и очень любят рваться.

На каждые два листа пришлось по два человека. Один намазывал клей кисточкой, другой прикладывал и приглаживал бумагой. Порванные листы мы тут же заклеивали кусочками бумаги того же цвета.

Мы страшно клеились. К чему ни притронешься, к тому приклеишься. К стенкам еще ничего, они штукатуренные, а вот к деревянным вещам мы приклеивались очень крепко. Приклеивались мы главным образом к табуреткам, потом еще друг к другу.

Я устал и присел на табуретку. Только сел — чувствую, что приклеился. Вставать мне не захотелось, все равно приклеился, так уж отдохну, посижу. Отдохнул, встаю—и табуретка за мной.

Было очень неудобно, когда меня отдирали от табуретки. Табуретку держали Коля Булкин и

Шамет, меня отдирали все остальные. Отодрали все-таки, но с большими неприятностями.

Когда мы все склеили по две полосы, Олег очень обрадовался и от радости пожал мне руку. Опять приклеились, опять отдирали.

Стало у нас не четырнадцать, а всего семь полос. Эти семь мы опять стали клеить по две, чтобы получилось в каждой полосе по четыре цвета. Тут стало гораздо труднее склеивать, полосы-то не прямые, загибаются уже понемногу в шар, а распрямлять нельзя— порвутся. Приходилось клеить со всякими фокусами. Лучше всего получалось с доской. Доску мы под бумагу клали с внутренней стороны и на доске прилаживали заклеенное. Много было возни.

Труднее всего стало тогда, когда осталось всего три больших части по четыре цвета и одна в два цвета. Тут мы возились больше всего. С большим трудом мы склеили три части. Когда осталась одна, мы поставили Олега на высокую табуретку, надели на него воздушный шар. Было странно видеть такую громадину в нашей небольшой комнате. Олегу было скучно в шаре, он рычал о ворочался. Последнюю полосу мы заклеили на нем. Тогда Маруся вырезала из газеты круг сантиметров в 25 в диаметре и велела Олегу наклониться так, чтобы самый верх шара был у него на лопатке. Я влез на стремянку и под звуки воображаемого марша приклеил этот круг на самый верх шара. Это для того, чтобы дырки наверху не было.

Мы были очень довольны, что склеили этот шар. Недоволен был только Олег, который ничего не видел кроме разноцветных полос. Он рычал, топал ногами и пел какую-то дикую песню, пока мы его не вытащили из бумажной тырьмы.

Перед тем как выпустить Олега, Маруся вырезала из газетной бумаги длинную полосу шириной синтиметров в 20 и оклеила край шара с внутренней стороны. Это нужно для того, чтобы шар в воздухе не перевертывался.

Олег стал реветь, как бешеный медведь, он орал, что ему скучно, что он умирает от духоты.

Я подумал немного и решил сменить его. Олег вылез из воздушного шара, я гордо влез на его место, и меня повели к выходу из клуба.

Дальше я ничего не видел, поэтому записываю только то, что я услышал и почувствовал.

Со мной начали обращаться так бережно, как никогда в жизни.

— Дорогой Бобик, не оступись!

— Миленький, не упади.

— Золотой, серебряный, не делай дырок в шаре.

Меня поддерживали со всех сторон и я, должно быть, был похож на какого-нибудь египетского фараона или эфиопского бога. Это было, должно быть, величественное и красивое зрелище. По крайне мере я так слышал.

— Какой он красивый.

— Прекрасный, большой, никогда ничего подобного не видел.

Мне очень быстро надоело одушевлять этот шар, и смерть хотелось провертеть дырку, но я этого не делал. Ко мне поставили керосинку. Она рычала почти как Олег и была также недовольна, как он.

Шар набирался теплого воздуха.

Никогда не думал, что теплый воздух делается так просто — примусом. Этак выставить тысячу примусов—будет целая фабрика теплого воздуха.

Этот шар был очень жадный, я уже об'елся теплым воздухом, примус совсем устал, а шару все мало.

Маруся кричала, чтоб не трогали шар, что он не железный, а я нечаянно наступил на чье-то любопытное лицо, просунувшееся из-поднизу в самый шар.

Наконец, я почувствовал, что остался на земле, а шар взлетает на воздух. Медленно поплыл он вверх под крики и визг.

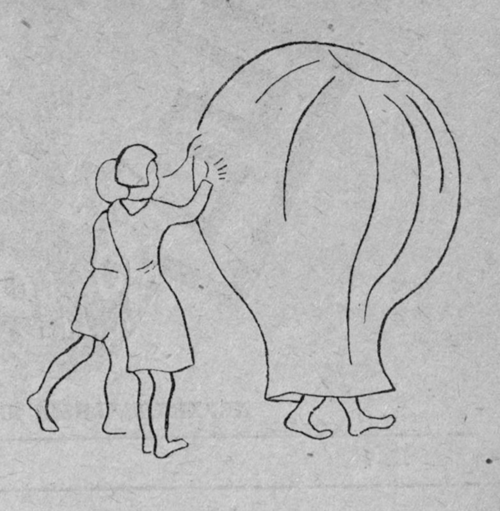
На улице было очень шумно. Шар не то от шума шарахнулся, не то от ветра и сел на дерево. Мы страшно испугались. Ведь он и в самом деле не железный, что если порвется. Все звено бросилось в отчаянную атаку и через полминуты, Коля Шамет отцеплял беглый шар от дерева.

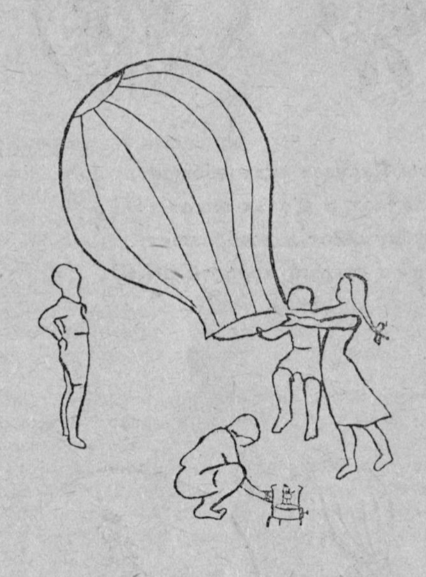
Мы пошли в поле.

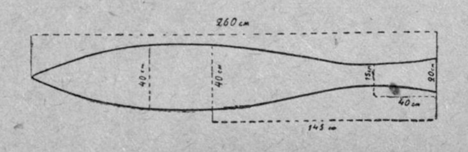
Мы развели костер и подержали шар над дымом. Я был очень рад, что меня внутри не было. Шару стало неприятно, он надулся гораздо быстрей, чем от примуса... поднялся и полетел вверх, ветер относил его в сторону, все кричали ура и было очень весело.

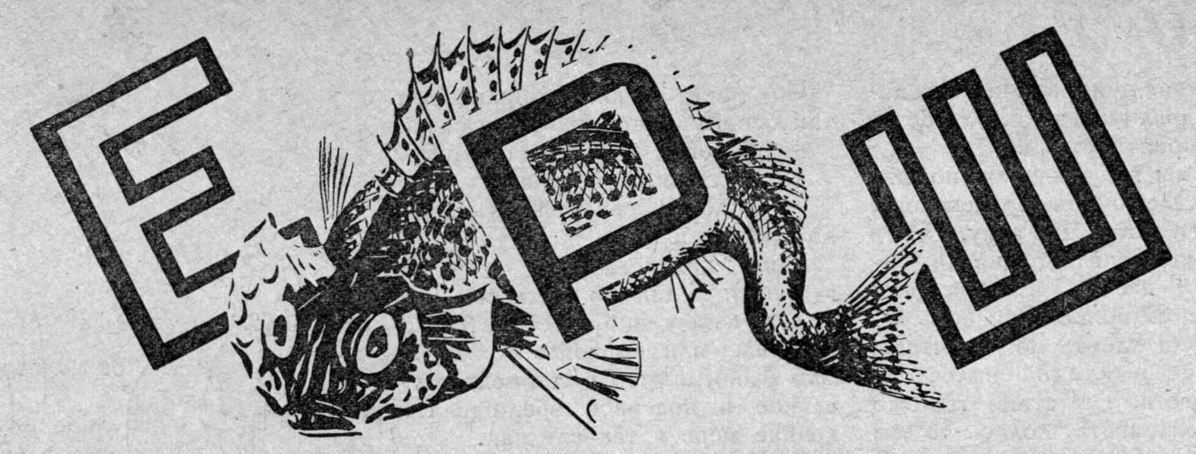
Девочки наши с того дня не просто девочки, а авио-девочки. И даже носа не задирают. Я, если по правде говорить, задирал бы, да и Коля Булкин тоже.

Б. Бобкинс.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

№ 7 ИЮНЬ 1928 г.

НАШ ЗООСАД

У Ерша завелся свой зоосад,
Правда, вместо зверей он собрал в нем ребят,
Но они на разных зверьков похожи,
Так что в общем—выходит одно и то же.
Сейчас им обзор мы сделаем краткий,
Ерш вам их представит в полном порядке
И все сумеет про них об'яснить.
Только просьба: **НЕ КОРМИТЬ И НЕ ДРАЗНИТЬ.**

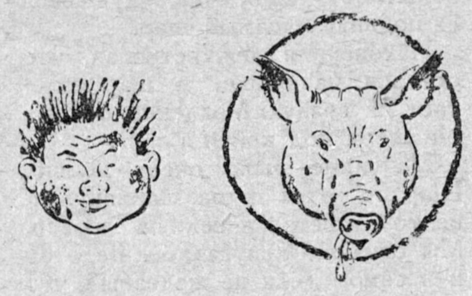
1

Сеня Парусов воду обожает,
В лодках и веслах знает толк,
Трубку сосет и воображает,
Что он старый морской **ВОЛК.**

2

Ляля Рыдалкина всегда хнычет,
Всего боится и вечно хмурится,
Не даром весь отряд ее кличет:
„МОКРАЯ КУРИЦА!“

3

Ваня Грязнов мыла боится,
Неопрятность в нем хлещет через края,
Просим взглянуть и убедиться,
Что он по внешнему виду—**СВИНЬЯ.**

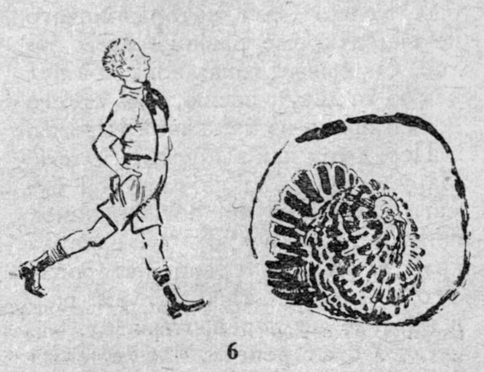
4

Нина Зевакина все теряет,
Учится плохо, говорит сонно,
Среди белого дня звезды считает,
Одним словом, ясное дело—**ВОРОНА!**

5

Клим Крикунов речей не жалеет,
И вечно чужие слова повторяя,
Своих собственных мыслей не имеет...
Ребята! Узнали **ПОПУГАЯ?**

6

Коля Буянов большой забияка,
Часто дерется, ругается вслух,
Хочет героем прослыть, но, однако,
Он всего лишь—**ИНДЕЙСКИЙ ПЕТУХ.**

(Басня)

Посвящаю трусишкам, знающим зверей только по книжкам.

Жил пионер на свете некий,
Торчать любил в библиотеке.
Зарывшись в книжки с головой,
Он жизни не видал живой.

И каждой запятой, и каждой точке веря,
По книжке изучал он зверя,
Его привычки, норов, быт,
Характер, странности и вид...

Но выйдя раз на двор, дал пионер промашку:
(Да, в жизни музыка не та!)
За тигра принял он—кота,
За зверя лютого—букашку.

Хоть Брэма он глотал за томом
тучный том,
Их изучив до точки в списке
длинном,
Он индюка считал павли-
ном,
А петуха—орлом!
Пусть Брэма он прочел, но все ж он верил свято,
Что гуси—это страусята,
А вырастут во всей красе—
И станут страусами все.

Однажды, честь роняя пио-
нера,
Он задрожал от головы до
ног:
Пред ним на улице вдруг
показался дог.
И был ужасен крик: „А это
не пантера?“

Червя на травке уви-
дав,
Он крикнул в панике—
„удав!“

Однажды в пруд лягушка угодила,—
Он полагал, что встретил крокодила!!!
Он трясся весь от страха... Между тем
Им был прочитан полный Брэм...
Но... не был он ни разу—вот досада!—
В пределах Зоосада...

Не против книжки я. Ничуть! Наоборот!
Мы с книгою скорей пойдем вперед,
Но я лишь против тех, сильна в ком неохота
Уйти на волосок от буквы, переплета,—
И оттого-то
Он на охоту часто прет
С лассо—на бабочку, с сачком—на бегемота!...

Михаил Пустынин

Началось это с того вечера, когда пионер Коля Пичугин побывал в цирке.

В тот же вечер Колька решил твердо и бесповоротно:

— Я должен стать укротителем!

Теперь только одной мыслью была занята его голова: „Где достать зверей, чтоб упражняться в укрощении и дрессировке?“

В магазине Зоосада, на Арбате, Колька долго топтался на месте, уныло рассматривал рыбок и птичек; а когда приказчик спросил его:

— Вам скворца или чижа?

Бухнул:

Мне бы тигра маленького...

Однажды возвращаясь домой, он увидел на лестнице такую картину: из соседней квартиры выскочил черный кот с куском мяса в зубах, а вслед за ним выбежала с кочергой в руке тетка Агафья, визгливо крича:

— Я тебя проучу, бандит этакий! Я тебя отучу со стола мясо таскать! Управы нет на этого разбойника. Прямо не кот, а тигр лютый, хуже Чемберлена.

В ту же минуту Петьку осенило.

— Вот кого я укрощу! Отучу этого кота от воровских замашек.

На другой день Петька в отряд не пошел. Когда отец ушел на завод, а мать—в кооператив, он быстро смастерил длинный бич и отправился на охоту за хищным зверем. Найдя кота во дворе и подманив его куском колбаски, отважный укротитель набросил на него мешок и, торжествуя, потащил домой. Желанный час укрощения настал!

— Почтеннейшая публика!—обратился Колька к воображаемым зрителям. Имею честь представиться: знаменитый укротитель львов, тигров, крокодилов, котов и прочих диких зверей. Укрощаю посредством гипнотизма. Сейчас укрощу африканского черного леопарда, по прозванию Васька. Алле, гоп!

Он взял в руки бич и вытряхнул кота из мешка. Васька в испуге прыгнул на кровать и забился за подушками.

— Кссс! Кссс!—позвал укротитель „африканского леопарда“, протягивая ему кусок колбаски. Кот мяукнул, недоверчиво покосился, потом почуял носом вкусный запах и слегка высунулся. В тот же миг бич Кольки щелкнул его по носу.

—Алле, гоп!

Получив удар по носу, кот дико фыркнул и одним махом перепрыгнул на комод, задев зеркальце и две чашки. Все это упало на пол и разбилось вдребезги.

— Алле, гоп!—повторил в увлечении укротитель и снова хватил бичом по котячьему носу. От боли и страха кот с жалобным мяуканьем перепрыгнул на стол, упал в большую миску с простоквашей, выскочил оттуда, как ошпаренный, шмякнулся на пол, после чего забился в угол.

Укротитель отважно схватил зверя за хвост и щелкнул бичом:

— Алле, гоп!

— Фрррр... мяу-у-у!—отозвался „африканский леопард“ и вцепился когтями в Колину руку так больно, что тот закричал и выпустил хвост.

Кот, ошалелый и раз'ярившийся, прыснул на подоконник. сбросив на пол два горшка с цветами и кувшин с квасом...

Через час вернулась Колькина мать. Все в комнате было разбросано, исковеркано, переколочено, словно только что произошло землетрясение. В углу на верхушке шкафа сидел ободранный и обалделый кот, неистово мяукая. Колька весь исцарапанный, с кровоточащим носом и распухшим ухом, хлопал бичом и как сумасшедший орал:

— Я тебя укрощу, паршивый леопардишка! Алле, гоп! Да алле, гоп же, говорят!!!

... Царапины зажили нескоро. С этих пор Колька перестал мечтать о славе знаменитого укротителя.

Д. Долев

ПЕРВЫЙ КОНКУРС „ЕРША“.

Ерш, идя читателю навстречу охотно
И ловя его вкусы на-лету,
Об‘явил конкурс: „Применение животных
В общественном и домашнем быту“.

Ерш ожидал, конечно, эффекта,
Но действительность превзошла ожиданья:
Посыпались письма, полетели проекты,
Предложенья, советы и пожеланья.

Обо всех невозможно рассказать—
Не хватит ни слов, ни красок, ни времени,—
Изо всех изобретений помещаем пять,
Имеющих высшие шансы на премии.

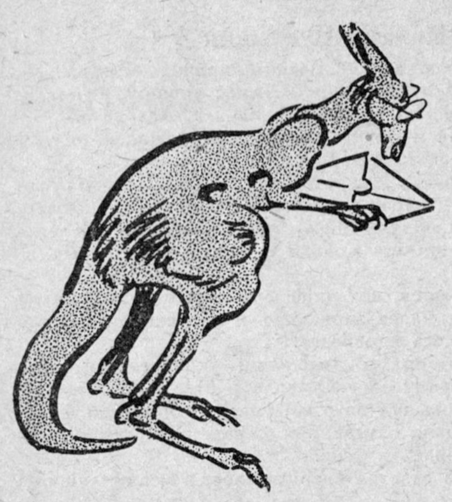
ПРОЕКТ № 1. СЛОН.

Проект так ясен, друзья,
Что описывать его подробно не станем.
Это просто — аппарат для сушки белья
В Азии (преимущественно в Индостане).

Способ прост, оригинален, нов,
Автор проекта — с умом и сноровкой...

(Примечание: Если нет под рукой слонов,
То их можно заменить веревкой).

ПРОЕКТ № 2. КЕНГУРУ

А вот проект почти подходящий,
В чем всех читателей убедиться прошу:
Передвижной почтовый ящик
Для корреспонденции Ершу.

(Автор не учел лишь одной детали:
Так как кенгуру не придет к вам на дом,
То деткорам придется мотаться в Австралию
Лично, звеном или целым отрядом).

ПРОЕКТ № 3. УДАВ

Автор — парень как видно с головой.
И изобрел на общее благо
Новый способ поливки мостовой
Для Нью-Иорка, Бостона и Чикаго.
В Москве это пока невыполнимо,
И изобретателю—для полной славы
Нехватает — чтоб у нас изменился климат
И в СССР появились удавы).

ПРОЕКТ № 4. ЖИРАФЫ

Этот проект выполнен ловко,
Автор приложил все силы свои:
Дешевая радио-установка
Для малоимущей негритянской семьи.

Можно слушать доклады, пионерские песни,
Париж, Лондон, а главное — Москву.
(Недостаток проекта:
— А что, если
Жирафы нагнутся щипать траву?)

Проект № 5 (1-я премия). Кит

Премированный проект—самый лучший,
Это всякий признает поневоле
Всем ясно, что это—пловучий
Курорт имени Смекалкина (Коли).

Коля работал за совесть и за страх
Над этим необычайным курортом:
Небольшая пристань на плавниках
Для регулярных занятий водным спортом.

Обширный дом на сорок жильцов,
Место для игр хватает с излишком,
На хвосте для юных пловцов
Умещается превосходная вышка.

И непрерывно и неустанно
Без насосов, усилий и труда
Из естественного фонтана
На радость гуляющим бьет вода.

Плыви, куда хочешь—обратите внимание.

Это в деле курорта переворот.
Только... надо заранее
Взять с кита обещание,
Что он ни разу не нырнет.

ЗВЕНОСКОП

В поход за зеленые площадки

В городе летом всюду пыль, грязь, духота. Маленькие дети принуждены дышать нездоровым воздухом. Им негде поиграть, повозиться в песке, подышать свежим воздухом. Пионерские звенья, оставшиеся в городе, должны притти на помощь.

Сколько пустырей, особенно на окраинах, находятся во власти мусора, грязи. День и ночь здесь играют в футбол, поднимая тучи пыли, звенят медяки играющих в орлянку.

Этими пустырями должны владеть пионеры. Особое постановление местных советов о занятии пустырей, скверов и садов под детские площадки облегчает это дело. Выходите на пустырь всем отрядом, и разбив всю работу по звеньям, принимайтесь за стройку. Уберите грязь. Огородите, если возможно, пустырь, постройте площадки для баскетбола, волейбола, городков, устройте ящик с песком для маленьких детей, на свободных местах посейте траву, высадите кустарник, разбейте клумбы.

Задача звеньев—превратить эти рассадники пыли, грязи и нездоровых развлечений в зеленые площадки.

Зелень несет бодрость и здоровье. Будем бороться за зелень.

СКАКАЛКИ

Для того, чтобы сделать короткую скакалку, надо взять $1^1/_2$—2 метра хорошей бечевки (лучше кокосовой) толщиною в 1 см. и приделать к концам деревянные ручки.

Скакалка должна подходить под рост пионера. Правильно

измерить длину можно так: взяв в обе руки веревку, за самые концы, надо наступить на ее середину обеими ногами и поставить руки на бедра: если веревка туго натянется, то размер ее взят правильно, если будет висеть не натянутой, то ее надо будет укоротить. К концам веревки приделываются ручки. Делаются они так: взяв кусок дерева толщиной в $1^1/_2$—2 см. и длиной в 10—13 см., надо придать ему такую форму, какая показана на рисунке 1, затем, взяв конец веревки и растрепав ее, прикрепить к ручке так, как показано на рисунке 2, простой маркой. Так же прикрепляют вторую ручку к другому концу веревки, и скакалка готова.

Приступая к прыжкам, надо помнить, что при прыжках через скакалку, происходит работа многих мышц тела, чем вызывается усиленная работа сердца и легких. Поэтому много прыгать без перерыва нельзя, т. к. это вредно отражается на здоровье. Также надо помнить, что после прыжков нельзя для отдыха ни лежать ни сидеть, а следует ходить, делая глубокое дыхание до тех пор, пока не успокоится сердце.

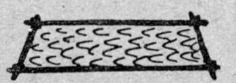

Теперь мы расскажем о простейших прыжках, когда скакалка идет из-за спины вперед.

1. Взяв скакалку в руки, положить середину ее впереди себя на землю, затем перешагнуть ее, потом быстрым движением рук перемахнуть скакалку вперед и затем перешагивание повторять.
2. То же самое, но быстро с бегом вперед.
3. То же самое, но с бегом на месте.
4. Редко подпрыгивать обеими ногами вместе.
5. То же самое, но быстро.

Лагерная кровать

Положите на землю четыре палки прямоугольником, как показано на рисунке. Длина и ширина прямоугольника такова, чтобы вы могли удобно поместиться в нем. Палки закрепляются на углах колышками из толстых веток.

Наломайте елочных ветвей для матраца. Елки складываются по 5—6 штук и укладываются в четырехугольнике, как черепица на крыше, т.-е. каждая следующая группа ветвей кладется так, чтобы концы ее заходили на предыдущую группу веток. Концы веток с боков подсовываются под палки. Получите толстый мягкий матрац, который защитит вас от сырой земли.

Живой трактор

Колеса трактора делаются из двух лент, сшитых в кольцо. На каждое колесо нужно по 3 человека. Ребята стоят на ленте, а сверху поддерживают ее руками, придавая форму колеса.

Мотор представляют трое пионеров, которые держат друг друга за щиколотки ног.

Все это приходит в движение. Если трудно сделать мотор из троих ребят, сделайте его из двух.

КАК СДЕЛАТЬ КЛУМБУ

Клумбы можно делать различной формы: квадратной, круглой, в форме звезды, пионерского или комсомольского значка, в виде целого слова (КИМ, Ленин и т. д.).

Границы клумбы выкладываются кирпичем, дерном или палочками. Высота клумбы над грунтом около 20 см. Земля вскапывается на глубине 20—25 см. Лучше натаскать плодородной земли с огорода или же из леса.

Высаживать можно всевозможные цветы. Для белого цвета подойдет белая карликовая астра, для желтого — крупные бархатцы, для красного — красная карликовая астра.

Цветы сажайте по рисунку, который заранее начертите на земле палочкой или бороздками, посыпанными желтым песком.

Великолепную клумбу можно сделать из обыкновенных полевых цветов, пересадив их вместе с дерном с поля.

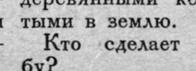
Ухаживайте за клумбой. Поливайте цветы, берегите их от кур, пропалывайте сорные травы.

Хорошие клумбы можно сделать из разноцветных камешков — гальки, битого кирпича, мела.

Здесь отрядные художники могут изображать все, что им будет угодно: завод, деревню, трактор, портрет вождя, лозунги и т. д. Камешки выкладываются на рыхлую землю, края клумбы укрепляются дерном.

Если придется выкладывать дерн отвесно — закрепляйте его деревянными колышками, вбитыми в землю.

Кто сделает лучшую клумбу?

СТИХИ СКВОЗЬ МАШИНУ

(Продолжение со 2-й полосы обложки)

Л. Максимов — Каменск, Р. Комарова — Астрахань, А. Жуков — Первомайский рудник, С. Ерохин — Астрахань, Ф. Свеклистенков — д. Еловец, Н. Романчук, В. Немиро — Рыльск.

Дальше идут стихи, читая которые, можно догадаться, что это стихи. Но стихи эти все-таки очень слабые—посмотрите сами:

Листья осыпаются,
Дождик на дворе.
Осень начинается.
Корм весь на гумне.

В. Ливенцев

Грозный.

В этом отрывке недостатки такие: во-первых раз уж листья осыпаются и дождь льет, то осень не начинается, а давно началась; во-вторых, последняя строчка, „корм весь на гумне" трудно произноситься, спотыкаешься на каждом слове, а в стихах это недопустимо.

Или вот еще:

Чем по улице он бегать,
Ваня начал в клуб ходить.
И в праздники советские
Стал доклады говорить...

В. Орлов

Хутор Бурный ключ

Здесь просто грубые грамматические ошибки, нельзя так писать: „чем по улице он бегать". Последняя строчка тоже смешно написана—что же, разве доклады можно печь?

Много стихов прислано, похожих на эти. Прислали их: А. Мытник и И. Жутиков—Усть-Орда, Л. Нестеров—Москва, И. Горустович — Щегловск, В. Полякова — Борисоглебск, Довгаленко—Москва, Н Сошенко—пионерка отряда им. ВКП(б), П. Кузнецов — Малоархангельск, А Явкин—пионер 6-го отряда, И. Пудовкин — Троцк, В. Китновский — Барнаул, Н. Проскурников — Бирзула, К.— Черкассы, О. Днепровская—Черкассы, А. Бухаров — Богородицк, Л. Саранцев—с. Черный Затон, В. Бурмистров — Великие Луки, Т. Фабиш — Киев, Г. Шпильман—Псков, К. Стекольников—Баку, В. Ганичев — д. Буракова, С. Иванов — д. Зайцево, В. Майоров—ст. Софрино, Б. Альперович—Орша, В. Севостьянов—Москва, И. Смирнов, В. Шкляев — Глазов, А. Шаповалов—станица Платнировская, Г. Волк—Канавино, Ниж. губ., Н. Сычев — рудник Ленина, М. Патрикеев—Вязниковский затон, В. Дмитриев—Москва, Г. Дзекунов — хутор Россыпная, В. Евтушенко—ст. Сухиничи, А. Бобылевский—п. о. Орехово,—Ф. Суховерхов—с. Рожд. Хава, С. Никин — Неверкино, О. Чернин — Логойск, М. Терещенко — Киев, М. Беляков—Эривань, А. Хабибулин—Сатка, М. Молчанов — Шахты, Монахов — Миасс, М. Галалаевский—Киев, А. Тойчий—ст. Стародеревянковская, С. Гинзбург — Одесса, П. Погорелов — село Кудеятово.

Дальше идут ребята, которые более или менее толково пишут. Правда, и у них стихи слабые, но все-таки получше.

Вот почитайте:

Змеею блестящей
Река изогнулась
И лентой журчащей
В полях протянулась.

Это первые строчки из стихотворения деткора Э. Куникеева — Москва.

Тут все верно. Нет грамматических ошибок, нет и нелепостей. Как будто бы стихотворение хорошее. Но все-таки и в нем есть недостатки, плохие сравнения. Ведь, в самом деле, забудьте на минуту, что разговор идет о реке и попробуйте себе представить журчащую ленту—наверно никто не представит. Кроме того, трудно совместить два поняти „изогнулась" и „протянулась". Что же в конце концов река изогнулась змеей или протянулась, как что-то прямое, длинное?

Примерно такие же стихи прислали следующие ребята: И. Поляков—Гусь-Хрустальный, Е. Антонов — Москва, В. Надысев—Лунина, Г. Королев—Рязань, М. Демидов, В. Стронина—Кокчетав, Б. Семенов — Аткарск, Н. Семенова — Ставрополь н/к., И. Гончаров—Дорогобуж, Л. Б. — Ульяновск, А. Миронов—пос. Мещерский, К. Протопопов—ст. Обираловка, Ниж. ж. д., Сибиряк—ст. Барабинск, Омск. ж. д., Э. Куникеев—Москва, Б. Раровский—Днепропетровск, К. Колотов—Малмыж, А. Сорокин—Шихово, М. Кромский — Нов.-Бавария, Н. Жуков—Сергач, И. Гарбер—Самара, В. Смирнов — завод „Красный Профинтерн" Яросл. губ., Д. Попов—с. Дровнино, А. Швачкин—Саратов, А. Оторванный—Чебоксары, А. Неборак—Киев, Лапидус — Симферополь, И. Чумаков—Макеевка, Н. Коровникова—Череповец, И. Фомин, А. Войда — Минусинск, В. Антонов — д. Ноля-Вершина, И. Грязев—Саратов, А. Мшихинис — поселок К. Маркса, А. Холдобин—Н. Оскол, В. Дмитриев—Москва, В. Уфимцев—Турьинские рудники, Т. Казакова — Семипалатинск, Н. Володин — Лукино, П. Штернов — г. Слуцк, А. Горохов — Вондонск, Г. Цветков — Ленинград, Ш. Шура—Ветлуга, М. Обухов — Курган, В. Бессонов—Кашин, Д. Перекрестов, С. Кожевников—В. Устюг, И. Родионов — Москва, Ю. Баранов — Москва, Г. Саковский—сл. Михайловка, Т. Четыркина—Москва, В. Назаров—ст. Ртищево, И. Фомин — Москва, Н. Коровникова — Череповец, И. Зайцев — Макеевка, П. Губин—Ртищево.

Ну, ребята, ваши стихи прошли через машину. Машина остановлена. Теперь давайте разберем—нужно ли учиться писать стихи или нет? Тем ребятам, которые делают грамматические ошибки,—ясно нужно сперва просто поучиться в школе, потому что писать хорошие стихи могут только совершенно грамотные люди.

Для того, чтобы писать стихи, нужно хорошо знать язык, на котором пишешь.

Тому, кто хочет писать стихи, нужно учиться писать заметки, очерки, дневник своего звена. Нужно работать в стенгазете. Читать хорошие стихи старых поэтов: Пушкина, Лермонтова, Кольцова и современных — Асеева, Маяковского, Светлова, Безыменского и др.

Ни про кого из пишущих ребят сейчас нельзя сказать, будет ли он хорошим поэтом или нет. Теперь, конечно, никто из них не поэт. Ведь даже самый лучший пионер-моделист в 14-летнем возрасте не может быть летчиком или инженером. А быть хорошим поэтом, может быть, еще труднее.

Наверняка не будет поэтом тот, кто все время только о стихах и думает и ничем другим не хочет заниматься. А ведь есть такие ребята, которые нос дерут, гоголем ходят, на других ребят сверху вниз смотрят. Как вы думаете, хорошо ли это?

Редколлегия: *Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, В. ЛЯДОВА, И. РАЗИН, Н. СЛЕПНЕВ, М. ЭПШТЕЙН*

Отв. редактор *И. РАЗИН*

Москва. Главлит. А 16.771. Изд. № 2.796. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 30.000.

Цена 20 коп.

23858

О Т Г А Д А Й

№ 39. КТО ЧЕЙ СЫН?

(Г. Тазенкова, Дубровский поселок)

Однажды три крестьянина Степан, Петр и Иван послали в город своих сыновей Сергея, Дмитрия и Илью продать несколько возов пеньки, при чем отношение числа возов пеньки, отправленных каждым из них, составляло 1:2:3. Приехав в город, сыновья скоро

продали всю пеньку в одни руки и по одинаковой цене. По случаю такой удачной продажи они решили часть вырученных денег, а именно стоимость одного воза потратить на развлечения, разложив этот расход между собой пропорционально полученным от продажи суммам. Как узнать арифметическим путем, кто чей был сын, если известно, что Дмитрий истратил на развлечение 2 рубля, Сергей выручил за пеньку 96 рублей, а Иван—138 рублей, Петр же отправил 8 возов пеньки.

№ 40. ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

1) Один триллион спичек лежит горизонтально в одну линию: Сколько потребуется времени, чтобы пламя прошло от одного конца до другого, если в $1/2$ минуты пламя проходит расстояние, равное длине спички?

2) Сколько времени потребуется на то, чтобы луч света прошел то же расстояние, если в одну секунду он проходит 300.000 километров?

3) Сколько спичек можно сделать из четырехгранного бревна, длина которого 10 метров, а ширина и толщина по 1 метру.

Примечание. Длина спички принимается в 50 миллиметров, а ширина и толщина в 2 миллиметра.